

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ДИАНА УДОВИЧЕНКО,
МАКСИМ УДОВИЧЕНКО

ЗЕРКАЛА СУДЬБЫ. СКИТАЛЬЦЫ

Максим Удовиченко
Диана Д. Удовиченко
Скитальцы
Серия «Зеркала судьбы», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5020512
Удовиченко Д. и М. Зеркала судьбы. Скитальцы: Альфа-книга; Москва; 2011
ISBN 978-5-9922-1021-7

Аннотация

Когда все вокруг плетут интриги, как не запутаться в причудливой сети? Эльфийский маг Лэй, не обремененный такими понятиями, как долг, справедливость и честь, до сих пор спасался только благодаря природной хитрости. Орочья воительница Мара сражалась открыто, не жалея сил и не щадя врагов. Но люди не уступают эльфам в коварстве и превосходят орков в жестокости. Чужакам больше нельзя оставаться в человеческих землях, теперь они снова вне закона. У скитальцев по-прежнему одна дорога, только идут они к разным целям.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Мара	8
Лэй	18
Глава 2	26
Мара	26
Лэй	32
Глава 3	43
Мара	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Диана Удовиченко, Максим Удовиченко

Зеркала судьбы. Скитальцы

Роман

Благодарим за искренний интерес к этому роману, добрые советы и поддержку наших друзей, писателей Галину Ли, Алину Илларионову, Анну Тьму, Тимофея Григорьева и Ярослава Денисенко.

Отдельные благодарности славным издательским чародеям: главному редактору Владимиру Маршавину и художественному редактору Николаю Безбородову – за мудрость и внимание к авторам, редактору Виктору Еремину – за терпение и науку, художнику Вячеславу Федорову – за обаятельные образы героев.

Авторы

Пролог

Мир покрывала тьма – густая, почти осязаемая. Она пропитывала воздух, липла к коже, заливала мраком глаза. Тир-на пробивалась сквозь эту непроглядную тьму, брела туда, где – она интуитивно чувствовала – находилась та, что нуждалась в ее помощи. Наконец чернота стала рассеиваться, но на смену ей пришел зеленоватый туман, из которого к прорицательнице протягивались извивающиеся щупальца. Ольда небрежно проводила перед ними тонкой рукой, и жадные стрекала сокращались, отдергивались в испуге.

Наступил момент, когда ее упорство было вознаграждено: впереди забрезжил свет – теплый, ласковый. Гадалка вступила в очерченный им круг, посреди которого лежала черноволосая женщина, закутанная в теплое одеяло. Ольда внимательно всмотрелась в лицо спящей. Словно почувствовав это, черноволосая вдруг открыла глаза и ответила прямым бесстрашным взглядом. Чтобы не раздражать больную, ольда откинула капюшон.

– Тир-на? – прохрипела женщина.

– Я не ошиблась в тебе, орка. Ты и вправду сильна, – ответила прорицательница. – Но ты победила болезнь, а не судьбу.

– О чем ты?

Гадалка хотела было пояснить, но ее перебил зазвучавший в сознании голос – красивый и такой ненавистный:

– Тир-на! Вернись и говори, Тир-на!

Звук этого голоса спутал мысли, сковал речь, стиснул горло спазмом. Следом невидимая рука подхватила и потянула ольду назад, в реальность, причиняя дикую, нестерпимую боль. Она сопротивлялась изо всех сил, зная, что необходимо заговорить, предупредить, предостеречь... Язык плохо слушался, но на помощь пришли карты судьбы – верные соратники, сопровождавшие хозяйку везде, даже в видениях. Они соткались на ладони прямо из воздуха, слабо завибрировали, возвещая, что готовы предсказывать.

– Смотри, – с трудом выговорила Тир-на.

От колоды отделился цветной прямоугольник, взлетел и запорхал вокруг лежащей орки. Ольда говорила, объясняла, мысленно отвергая настойчивые призывы повелительного голоса, превозмогая силу, которая утягивала ее из круга. Но ей мешали, перехватывали слова, из-за этого пришлось прибегать к помощи намеков и иносказаний. Боль становилась все резче, мучительнее, и гадалка сдалась, позволила увести себя из видения.

– Следи за зеркалами, – сумела она выговорить на прощанье, накидывая капюшон и растворяясь в темноте.

Вернувшись в постылую комнату – ее тюрьму и, возможно, последнее пристанище, ольда тихо застонала.

– Взгляни на меня, Тир-на, – произнес все тот же неумолимый голос.

Гадалка открыла глаза и поморщилась при виде красивой белокурой девушки, которая склонилась над ее распростертым на топчане телом.

– Ваше племя всегда славилось упрямством. Но ты, Тир-на, превосходишь всех, кого я когда-либо встречала, – укоризненно произнесла красавица. – Соглашайся служить, и мне не придется больше мучить тебя.

– Я служу лишь одной госпоже, – через силу усмехнулась прорицательница, – и рано или поздно она покарает тебя, Мелодия. Нельзя безнаказанно играть роль самой судьбы.

– Даю тебе еще сутки на размышление, Тир-на – сказала волшебница, не обратив внимания на угрозу, проскользнувшую в словах ольды. – И если ты не смиришься, мне придется вдвое увеличить дозу зелья Беспамятства. Это убьет тебя, но прежде ты расскажешь о своих видениях.

– Будь проклята, – устало уронила гадалка, закрывая глаза.

– Ровно сутки, – напомнила Мелодия, строптиво вскинув голову, и направилась к двери.

Ольда осталась одна. Уселась на топчане, устремив в стену невидящий взгляд огромных красных глаз, и погрузилась в раздумья.

Ее не пугали предупреждения жестокой волшебницы. Ольды – магические существа, посвященные Лак'хе, они неподвластны ни Десиду, ни мортам – его ангелам. Смерть для них – лишь небольшой отдых перед новой дорогой, еще одной в бесконечном существовании. Боль – для всех боль, но и ее можно перетерпеть. Неволья – вот единственное, чего не могут выносить гордые дети кочевого народа. В этой маленькой каморке, где не было даже окон, Тир-на задыхалась, ее свободолюбивая душа изнывала, требуя лучей Атика, свежего ветра, запахов травы, цветов и дождя.

Служить людям? При всем своем хитроумии Мелодия безнадежно глупа, если надеется на это. Жрицы великой богини служат лишь ей. Мудрые, загадочные и неуловимые, они путешествуют по Вирлу, следя за тем, чтобы не искажались пути судьбы. Судьба – вот главная движущая сила в этом мире. Каждое существо должно пройти дорогу, предначертанную только ему. Дороги эти перекрещиваются, переплетаются, идут рядом, разбегаются, накладываются друг на друга, снова расходятся и теряются в разных сторонах. Их количество в Вирле так же бесконечно, как число отражений в комнате, полной зеркал.

Разумные существа каждый миг делают выбор, определяющий их дальнейшую жизнь. Им кажется, что таким образом они строят свою судьбу. Они заблуждаются. Судьба не зависит от решения смертных, она сама торит их пути. Но такой порядок сохраняется лишь до тех пор, пока разумные свободны в выборе. Когда же одни из них начинают играть жизнями других, предначертания ломаются. А это может привести к непоправимым последствиям.

Судьбы мира? Судьбы народов? Это миф. Ведь они складываются из судеб каждого живого существа. Именно поэтому каждая дорога священна. Лак'ха не любит, когда искажаются нарисованные ею линии. Она дает жрицам знак, отмечая тех, кто нуждается в помощи. Ольды не имеют права деятельно вмешиваться в жизнь разумных, они только осторожно указывают, в каком направлении следует идти. Бродят по Вирлу под видом гадалок, но карты раскидывают лишь тем, на ком стоит знак богини, видимый только красным глазам прорицательниц. Эти двое – волшебник-эльф и воин-орка несут на себе прикосновение Лак'хи. Они сбились с пути из-за интриг сильных мира сего. И если юноша сумел освободиться хотя бы на время, то девушка продолжает пребывать в тенетах обмана. Думая, что сама распоряжается своей судьбой, на деле проживает жизнь, предназначенную не ей. Это плохо. Потому что линии этих двоих тянутся рядом, пересекая и задевая множество других. Это как переплетение нитей паутины: тронешь неосторожно одну – спутаются или порвутся остальные.

Одна великая богиня ведает, каких трудов стоило предупредить подопечных так, чтобы они поняли, что ждет их впереди, но не заметили ее пристального внимания. Когда привычный арсенал предсказательниц – сны и видения – был исчерпан, ольде пришлось даже отправиться в тюрьму, чтобы получить возможность поговорить с Марой. Эльф беспокоил ее меньше, чем орка: не особо обремененный такими понятиями как долг, справедливость и честное слово, он старательно освобождался от всяческой зависимости, проявляя при этом недюжинную изворотливость и смекалку. А вот Мара, несмотря на свои ум, силу и врожденное душевное благородство, запуталась в сетях человеческой лжи. Скорее даже все эти замечательные душевные качества и сыграли с девушкой злую шутку.

Жрица получила повеление богини в тот момент, когда несчастная Кай-на, умирая, в беспамятстве выдала Мелодии тайну своего видения и, сама того не желая, указала местонахождение молодого саториса. С тех пор Тир-на следовала за оркой неотступно, одновременно издали приглядывая и за судьбой эльфа.

Казалось, все получается. И хотя картой Мары все еще был Повелитель тьмы, что означало недоброе влияние на ее жизнь властных особ, Лэю уже выпал Маг вместо Башни. Это означало, юноша прошел испытание внезапно открывшейся правдой и сумел обрести внутреннюю силу, чистоту души, что приведет его к инициации. Только вот, снова раскинув карты на орку и эльфа, Тир-на задумалась. Вторым символом судеб обоим легло Колесо Лак'хи. В сочетании с Повелителем тьмы получалось, что Маре предстоит искушение деньгами и властью. Девушке придется разгадать множество загадок и тайн, а на пути ей встретятся подлые, хитрые, изворотливые люди, справиться с которыми поможет только истинное прямодушие. Что же касается Лэя, то сочетание его карт поставило в тупик даже опытную гадалку. Выходило, что главный враг эльфа – это он сам, его чувства, эмоции, мысли. И еще в ближайшем будущем юношу ждала встреча с орлами. Как истолковать этот расклад, Тир-на не знала. Она попыталась заглянуть в будущее с помощью видений, но и в них не сумела ничего разглядеть. Колесо Лак'хи означало, что судьбы этих двоих могут обернуться как угодно. Но, стараясь понять и исправить их линии, прорицательница утратила осторожность и сама угодила в ловушку. Собственное будущее ольды провидеть не умели.

Ее мучительница хотела, чтобы жрица пользовалась своими видениями для поиска новых саторисов. Получив отказ, Мелодия прибегла к зелью Беспамятства, уже испытанному на предшественнице Тир-на. Но опытная, обладавшая огромной силой гадалка даже в полубреду продолжала бороться. Приказ волшебницы: – Найди мне саторисов! – заставил ее перенестись в заброшенный форт Приграничный, увидеть то, что там происходило. Тир-на изо всех сил сопротивлялась воздействию зелья: ни в коем случае нельзя было выдавать Лэя, которого Мелодия считала мертвым и уже сбросила со счетов. Понимая, что завтра скорее всего для нее не наступит, ольда сделала последнюю попытку достучаться до подопечных, послав свой образ в горячечный кошмар больной орки. Но эта встреча на тонкой грани реальности и сна была слишком короткой. Тир-на успела только помочь девушке отогнать болезнь, спорами безумия прораставшую в разуме, и сказать несколько слов. Она надеялась, что, выздоровев, Мара задумается о смысле видения. Больше жрица ничего не могла сделать ни для нее, ни для эльфа.

Завтра ее ждет смерть. Но Мелодия будет разочарована: возможностей прорицательницы хватит на то, чтобы не рассказать о своих видениях. Тонкие пересохшие губы Тир-на растянулись в грустной улыбке: смерть лучше неволи.

Глава 1

Мара

Северный ветер снова швырял в лицо колкую снежную крупу, мороз кусал щеки, пробирался под одежду, холодный воздух обжигал горло, делая дыхание болезненным. Лед на каменистой земле, лед, падающий с неба, лед в душе и на сердце...

Проклятый перевал давно уже остался позади, и мы спустились в плоскую долину – караван, а вернее, его остатки, прибыл в Нордию. Буран не утихал, наоборот, разыгрывался сильнее, заметая наши следы, мешая видеть то, что ждало впереди. В этом назойливом белом мельтешении невозможно было разглядеть ни дороги, ни человеческого жилья.

Я ехала вслед за Атиусом, который по одному ему известным признакам выискивал правильный путь в этом ледяном безумии. Ноги Зверя по колено утопали в снегу. Рядом брел Нарцисс, поводья которого я привязала к луке своего седла. Мне все время казалось, что конь горюет по хозяину – так печально он понурил гордую голову. Всякий раз, оборачиваясь, я видела его глаза цвета светлого янтаря – потухшие, какие-то больные.

После гибели Дейнариэла жеребец попытался ускакать от каравана, но не мог обойти мулов на узком перешейке. Он никого к себе не подпускал, вздергивал голову, когда люди пытались взять его за поводья, вставал на дыбы, рискуя свалиться в ущелье вслед за хозяином, и бил копытами так, что чуть не расшиб голову погонщику, который в недобрый час попытался его удержать. Времени на то, чтобы сладить с ним, не имелось. Следовало как можно скорее уходить из опасного места, пока перевал окончательно не занесло или прямо из камня не вылезло еще одно семейство червей. Атиус уже решил было, что придется убить строптивца, чтобы не подвергать мучительной смерти от холода, и мне пришлось вмешаться. Не сумела спасти Дея, так хоть коня его от гибели избавить. Хотя бы это я могла сделать в память о друге.

Наш народ, конечно, не обладает такой властью над животными, какая дарована эльфам. Но умение ладить с лошадьми у орков в крови. Я разогнала людей, бестолково пытавшихся вцепиться в узду жеребца, подошла поближе и остановилась в трех шагах от него, сложив руки на груди и тихо приговаривая на орочьем:

– Успокойся. Успокойся, друг. Все хорошо...

Конь все еще нервно дрожал, но уже не вставал на дыбы, и это было маленькой победой. Прядая ушами и раздувая ноздри, Нарцисс прислушивался к звукам незнакомой речи. Я не торопилась подходить к нему, повторяла одни и те же слова – ровно, негромко. Наконец Нарцисс вытянул в мою сторону голову и с фырканьем выдохнул воздух через ноздри. К удивлению всех присутствующих, я ответила тем же и, зайдя сбоку, начала медленно приближаться к жеребцу. Подойдя к нему, осторожно коснулась шелковистой шкуры кончиками пальцев, тихо приговаривая ласковые слова. Нарцисс перестал дрожать и с опасливым любопытством косился на меня желтым глазом.

– Молодец. Молодец. Умный конь. – Я перекинула руку через его спину, обняла, давая почувствовать свое тепло, похлопала по боку. – А теперь пойдем со мной.

Успокоенный жеребец позволил взять его под уздцы и послушно затрусил за Зверем. Но из него как будто ушел тот веселый задор, который есть у всякой хорошей лошади. Он не признал меня хозяйкой, не подружился со мною – просто смирился с неизбежным, следуя за тем существом, которое понимало его лучше других.

Но и на узком перевале, и в долине, в свисте ветра, мне слышался последний крик Дея. Вглядываясь в белую круговерть, я видела перед собою только умоляющие, широко распахнутые зеленые глаза и беспомощно скользящую по снегу тонкую руку.

Я – воин, и привыкла к смертям. Но почему в моей жизни столько потерь? У меня больше нет близких: отец, мать, Олав – все они ушли в Альгебар. А теперь и этот смешной, нелепый ушастый мальчишка, которому я поклялась в дружбе... Остались только Ал да Зверь. И чувство вины. Он спас меня в заброшенном форте от смертельной болезни, а я не смогла ответить тем же.

Но не только это не давало мне покоя, снова и снова возвращало к мигу гибели Дея. Было что-то еще. Что-то, чего я сама не могла понять. Какая-то неправильность в картине, стоящей перед моим внутренним взором. Она мучила меня, изводила, заставляла вспомнить. Но у меня не получалось.

За тяжкими раздумьями я не заметила, как впереди показалась фактория Стоцци. Из-за высокого деревянного забора доносился лай собак. Мы уже подъезжали к воротам, когда вдруг прямо под копыта наших лошадей из снежного завихрения выпал большой черный клубок. Атиус выругался, осадил коня. Издавая непонятные звуки, ком откатился в сторону и распался на три части, при внимательном рассмотрении оказавшиеся невысокими людьми в черных шубах. Не обращая на нас никакого внимания и выкрикивая что-то на незнакомом мне языке, они упоенно тузили друг друга тяжелыми дубинами. Но из-за ветра, сбивающего с ног, и толщины меховых одежд горе-воины не причиняли друг другу особого вреда, только злились и орали еще пуще. Откуда-то вынырнул четвертый человек, вооруженный коротким копьем. Воинственно потрясая оружием, он бросился к дерущимся. Увидев на поле битвы нового участника, троица спешно отступила и обратилась в позорное бегство. Несколько мгновений Атиус наблюдал за дракой, потом, пожав плечами, тронул коня. Караван вошел в ворота.

Фактория оказалась довольно большим поселком с приземистыми бревенчатыми строениями. В центре стояла контора управляющего, там и остался наш командир. С нами же отправились провожатые, которые быстро расквартировали всех по домам. Здесь, как и в любом владении Стоцци, все было сделано с умом и на совесть. Мулов отвели в длинный барак для караванов, где под присмотром приказчиков работники фактории занялись разгрузкой товара. Измученных погонщиков устроили в доме неподалеку. К моей радости, конюшня в поселке тоже имелась, и очень добротная – бревенчатая, утепленная тесом, с дощатыми полами и денниками, застеленными толстым слоем чистой соломы. Здесь даже была печь, которую топил немолодой конюх. Несмотря на уверения старика, что он справится, Зверя и Нарцисса я обиходила сама. Убедившись, что с лошадьми все будет в порядке, отправилась в казарму охранников фактории, где выделили место и нам.

Под казарму был отведен большой дом, который состоял из просторных сеней, заставленных какими-то бочками и ящиками, и длинного спального помещения. Вдоль стены на расстоянии шага друг от друга в ряд выстроились топчаны, застеленные оленьими шкурами. В двух печах, расположенных в противоположных углах жилища, весело потрескивали дрова. Наши ребята уже устраивались в новом обиталище: занимали лежанки, скидывали тулупы, избавлялись от доспеха, переговариваясь с местными воинами, которых сейчас в казарме было пятеро.

– Мара, иди сюда, я тебе удобное место нашел, – окликнул меня Ал.

– Женщина? – удивленно вытаращился на меня молодой светловолосый парень. Потом, когда я сняла тулуп, обалдело уточнил сам для себя: – Девушка... орка!

Немного поглазев на меня, работники фактории возобновили расспросы:

– Ну как там, на большой земле? Что новенького?

– Уже три года тут сижу, – жаловался широкоплечий мужчина средних лет. – Обрыдло все! А что делать? Семью кормить надо, а здесь платят хорошо.

– Вот и сиди, пока сидится, – вступил в беседу Най. – Тебе ли жаловаться? Мы вот в Безымянных землях еле от проклятия отбились.

– Да уж ты-то отбивался! – расхохотался Ал. – Все руки, можно сказать, отбил!

В казарме воцарилось молчание. Воины глазели на нас, как на мортвов, вылезших прямо из царства Десида. Потом заговорили все сразу, перебивая друг друга и задавая множество вопросов. Никто из нас не горел желанием на них отвечать, не стремился вспоминать пережитое, возвращаться мыслями в пропитанный безумием мертвый город. Один лишь Най оживился, приосанился и, довольный всеобщим вниманием, завел длинный подробный рассказ.

– Похоже, настал его звездный час, – подмигнул Ал.

Я улеглась на топчан и прикрыла глаза. Разговаривать не хотелось. Больше всего я мечтала уснуть и забыться хотя бы на пару часов. Но знала, что даже в сновидениях картина гибели Дея не оставит меня в покое. А может, и Тир-на явится со своими загадками...

– Хватит пожирать себя, – вдруг произнес Ал.

Я снова открыла глаза и уставилась на друга, пытаюсь понять, чем вызвано его заявление.

– Хватит, говорю, – повторил он. – Думаешь, не вижу: ты коришь себя за смерть эльфа. Нет в том твоей вины!

– А ты ничего странного тогда не заметил? – осторожно спросила я, толком не зная, какой ответ мне нужен.

– Дай-ка подумать... – Ал принял сосредоточенный вид и поднял взгляд к потолку, изображая усиленную работу мысли. – Кучка людей, орка и эльф, недавно выжившие там, где не выживал никто, перевал, обрыв, метель и гигантские черви, выскакивающие прямо из скал... Нет, ничего особенного, все как всегда, обычный денек.

Да уж, мой товарищ не был бы собой, если бы не попробовал шуткой поднять мне настроение.

– Мара, – проговорил он, становясь серьезным, – не пытайся искать себе оправдания. Просто потому что тебе не в чем оправдываться. Ты была слишком далеко и ничего не могла сделать. Погиб – значит, так ему суждено было, значит, Лак'ха оборвала нить его жизни. На том и конец.

– Прав, – кивнула я.

Наверное, я действительно цепляюсь за воображаемые обстоятельства, стараясь заглушить чувство вины...

– Слушай, – вдруг нерешительно произнес Ал, – ты только не злись. Но я хочу тебя спросить: ты в этого эльфа не того...

– Чего – того?

– Ну, мало ли... может, он тебе приглянулся... А то уж больно убиваешься.

– Приглянулся?.. – До меня медленно доходил смысл его слов, и я не знала, сердиться мне или смеяться. – Ал, ты его видел? А меня? Да он мне по плечо! И весит немногим больше Пламенеющего.

– Ну, мало ли... – поняв, что я не собираюсь злобно скалиться и лупить его кнутовищем по затылку, друг облегченно выдохнул и принялся развивать тему: – он парнишка хороший. Смазливый, такие девчонкам нравятся... Опять же, лекарь знающий и маг неплохой. А что уши острые – так что с того? Уши в этом деле не главное.

– Прекрати, – я поморщилась. – Он погиб, а ты так...

– А что я? – внезапно разгорячился Ал. – Вот сколько тебе лет, Мара?

– Девятнадцать.

– Взрослая женщина. А только ведешь себя дико.

– Хм, – я уселась на топчане и приготовилась слушать. Парень явно хотел высказаться. – И что же во мне дикого?

– Ты – великий воин, Мара. Я правду говорю. И отличный товарищ. Но, прости меня за грубость, женщина из тебя, как из коня – певчая птичка.

Я пожала плечами в знак того, что не могу сообразить, куда он клонит. Ал вздохнул и скорчил рожу, словно бы сетуя на мою непроходимую тупость:

– Вот ты красивая девушка. Вокруг полно мужиков. И что же мы видим? – Он картинно повел рукой. – Ни игры в тебе, ни живости, ни кокетства. Хоть раз бы подмигнула кому, так нет же! Прет себе по жизни этакая зеленая орясина с фламбергом – не баба, не мужик, а вернее, бабомужик!

Я потихоньку начинала закипать. Это как же он себе представляет: кокетка среди воинов?! Охранник, заигрывающий со своими товарищами?! В словесных баталиях я не сильна, поэтому подняла было руку, чтобы отвесить Алу хорошую затрещину, но вместо этого расхохоталась, вдруг осознав, что он таким образом просто пытается отвлечь меня от горестных раздумий.

– Ну вот, так уже лучше, – подмигнул друг. – Пошли в трактир, есть охота.

В местном питейном заведении было не протолкнуться – столько туда набилось народу. «Когда они тут работают? – подумалось мне. – Должны же шахты охранять». Однако вскоре все разъяснилось.

С трудом отыскав себе свободное местечко за длинным столом, мы уселись и заказали хмурому прислужнику жареной оленины – другого мяса здесь не имелось. Сразу вслед за нами в трактир явился Най в сопровождении целой свиты местных, каждый из которых желал угостить новоявленного героя. Для него тут же очистили место за столом в середине зала и поставили большую кружку с элем. Жаждающая рассказа толпа скрыла его от наших глаз, и мы могли слышать только громкий голос:

– И тогда оно как на нас поперет! Выручай, Най, говорит командир. Это я, Най-то. Ну, я тогда...

Что, по версии хвастуна, случилось дальше, нам так и не суждено было узнать, потому что в зал вошел Атиус. При виде него Най моментально стушевался, выскочил из-за стола и осторожненько, бочком, принялся пробираться к выходу. Проводив парня недобрый взглядом, маг устроился рядом с нами и бросил слуге:

– Мяса. И чего-нибудь покрепче. Большой кувшин.

Дождавшись, когда ему принесут заказ, наполнил кружку красноватым, ядрено пахнущим напитком, осушил до дна и придвинул кувшин к нам.

– Брусничная настойка. Угощайтесь.

Мы переглянулись – Атиус вел так себя впервые.

– Да не стесняйтесь, ребята, пейте. Похоже, нам еще долго тут сидеть... Бунт у них, – пояснил он в ответ на наши настороженные взгляды.

Из рассказа мага я поняла следующее. Нордийцы живут небольшими обособленными племенами, в этом они похожи на орков. Пасут оленей, возделывают поля на скудной земле, охотятся, а те, что обосновались возле моря, еще и промышляют ловлей рыбы. Арвалийские торговые Дома нанимают мужчин-нордийцев для работы на шахтах. Неприхотливые коренные жители без усталости трудятся за мизерную плату.

Спросите, зачем им деньги? Все просто. Помимо дешевых пестрых платков, зеркал и собственных имперских порядков, арвалийцы завезли в северную страну еще и горячительные напитки. Нордийцы, которые на протяжении многих веков не пили ничего крепче оленьего молока, мгновенно пристрастились к «жидкому огню», как они называли ржавку. Люди, не умевшие пить, вскоре становились горькими пьяницами, готовыми ради глотка

горячительного снять с себя последнюю рубаху. Торговцы обменивали ржавку на мех пушного зверя, оленьи рога, из которых арвалийские маги делали сильные амулеты и лекарственные зелья, либо продавали за деньги. А заработать имперские риттоны и крионы (золота местным, конечно, не платили) можно было только на шахтах. С помощью такой нехитрой схемы население Нордии было вот уже более ста лет почти порабощено. Вождей, которые пользовались в племенах непререкаемым авторитетом, торговцы всячески задабривали: делали им подарки в виде той же ржавки и недорогих безделушек, этим обеспечивая себе возможность спокойно добывать и вывозить драгоценные камни.

– А почему было просто не завоевать Нордию? – перебила я.

История прилась мне не по нраву. Нечестно это все. Гораздо правильнее захватить страну в настоящей войне. Хотя... почему меня должны волновать эти люди? Они сами позволили так с собой обращаться. Попробовали бы арвалийцы прийти к нам в Т'хар!

– Трудно, – пояснил маг. – И дорого. Снарядить войско, обеспечить его провиантом. Пересечь Безымянные земли – сама знаешь, что одно это уже огромный риск, можно остаться без армии. Предположим даже, что Безымянные земли войско пройдет. А горный перевал? И все эти муки ради того, чтобы бегать по Нордии в поисках разобщенных селений? Нет, проще постепенно споить. Но суть не в том...

Оказывается, в одном из племен умер старый вождь. На смену ему пришел сын, который вовсе не пил горячительного.

– Голова у него от ржавки болит, – сердито пояснил Атиус.

Очевидно, трезвенник был еще и неглуп. Оценив обстановку в стране, он решил захватить власть и объявить себя верховным вождем всех племен. Но поскольку остальные вожди не захотели уступить, непьющий нордиец развязал войну. Он запретил своим подданным употреблять ржавку и принялся нападать на соседей.

– Но арвалийцев же они не трогают? – уточнил Ал.

– Нет.

– Так почему вас это волнует?

Я почувствовала уважение к этому неизвестному трезвеннику. Судя по всему, он был человеком серьезным и решительным.

– Да ведь на шахтах работать некому! – рыкнул Атиус. – Все на войну ушли. Уже неделю как воюют.

Я едва сдержалась, чтобы не расхохотаться:

– Так та драка...

– Да, одна из баталий, – усмехнулся командир. – Управляющий факторией – тряпка и дурак. Твердит, что ничего не может поделать. Мол, боится колдунов.

– Колдуны?..

– Здешние маги. Поговаривают, они обладают какими-то уникальными методиками. Хотя мне слабо верится: что нового можно придумать в стихийном волшебстве? Так что, ребята, – он залпом выпил кружку настойки, – придется разбираться с этим новоявленным князьком. Как представитель графа Стоцци, я не могу оставить шахты в таком состоянии.

Посидев еще немного, мы отправились спать. Едва закрыв глаза, я провалилась в глухую бездну без сновидений и вынырнула из нее только утром. За стенами казармы стояла темнота: зимние ночи в северных странах очень длинные. Скрипнула дверь – в дом вошел Атиус, принес за собой дыхание холода.

– Мара, Ал, Най, собирайтесь. Метель кончилась, поедem на переговоры с нашим воинственным вождем.

Мы вместе вышли в морозную тьму. Я полной грудью вдохнула пахнувший снегом и дымом воздух – он напомнил мне о родных Холодных степях. За оградой нас ждали три оленьи упряжки с погонщиками, одна из которых была доверху нагружена какими-то мешками

и свертками. Ее погонщиком был сам управляющий, при виде Атиуса заметно взволнованный. Мы уселись в сани по двое и отправились в путь. Олени ровно бежали по белому полю, выбивая копытами маленькие снежные вихри. Я наслаждалась каждым мигом этого темного морозного утра, чего нельзя было сказать о моих спутниках. Конечно, воины не хныкали подобно изнеженным девицам, но и особого удовольствия путешествие им не доставляло.

В небе забрезжил поздний рассвет, когда издали послышался звонкий собачий лай, возвестив о том, что впереди селение. Вскоре показались и остроконечные шатры, над которыми курился дымок. Навстречу упряжкам, потрясая короткими копьями, выбежали двое мужчин, похожих, словно братья-близнецы. Погонщики остановили оленей.

– Куда, однако? – на ломаном всеобщем грозно спросил тот, что подбежал первым.

– К Ыргыну, важные гости с большой земли, – отвечивал управляющий. – Подарки везут, говорить с вождем хотят.

– Жди здесь, – после некоторого раздумья решил воин, развернулся и зашагал к шатрам.

Второй остался возле упряжек, подозрительно посматривая в нашу сторону. Вскоре гонец вернулся в сопровождении еще нескольких человек. Впереди всех шествовал, опираясь на толстый посох с резным навершием, седобородый, богато одетый старик. Его длинная пушистая шуба была белой как снег, голову венчала высокая шапка из того же меха. На фоне остальных нордийцев, облаченных в невзрачные куцые одеяния и внешне неотличимых друг от друга, дед выглядел как лебедь в вороньей стае. Обойдя упряжки кругом и что-то нашептывая, он потыкал посохом в груз, внимательно оглядел всех нас, задержался на мгновение взглядом на моем лице. Потом, безошибочно угадав в Атиусе главу отряда, остановился напротив него и что-то произнес.

– Колдун Нанук говорит, можно идти к Ыргыну, – перевел тот же воин, – если вы не принесли зла в своих душах.

– Скажи Нануку, мы принесли только дары, – торжественно возвестил Атиус, спрыгнув на снег и отвесив старику поклон, достаточно уважительный, но вместе с тем сдержанный.

Ответив тем же, колдун поощрительно махнул нам рукой и двинулся в селение. Наш командир отправился за ним, мы трое и управляющий, нагрузившись подарками с упряжки, пошли следом.

Вождь обосновался в самом большом шатре. Сидел возле очага, потягивая из большой чаши травяной чай, исходящий ароматным паром. Прямо скажем, он не походил на великого воина – маленький, тощий, болезненно сгорбленный. А еще мне не понравилось упрямое выражение истощенного лица. Полубезумный блеск раскосых черных глаз напомнил о роговках – воинах, одурманивающих себя перед боем грибами и травами.

– Приветствую тебя, вождь, – проговорил Атиус. – Прими наши дары.

По знаку мага мы сложили мешки грудой к ногам Ыргына.

– Здесь красивые ткани для твоих женщин, – распинался между тем Атиус, – зеркала, бусы и нитки. Еще мы привезли тебе муку, чтобы женщины могли печь вкусные белые лепешки, сахар, острые ножи для охотников и много других полезных вещей.

Маг замолчал. Вождь встрепнулся, милостиво покивал и с любопытством спросил:

– А жидкий огонь привезли?

При этих словах колдун недовольно нахмурился.

– Мы знаем, что ты его не любишь, вождь, – ответил Атиус.

– Благодарю, человек с большой земли. – Во вздохе вождя мне послышалось разочарование. – Чего ты хочешь за все это богатство?

– Только поговорить с тобою, вождь. Попросить твоей помощи.

Колдун делал вид, что не понимает всеобщего языка, но тем не менее внимательно прислушивался к беседе. Он что-то тихо произнес, и Ыргын смиловился:

– Хорошо, я буду говорить.

– Я знаю, что ты делаешь большое дело, – дипломатично сказал Атиус. – Да благословят боги твою дорогу. Но из-за войны мы лишились работников.

– У вас свои беды, у нас – свои, – приосанился вождь.

– Но твои люди подписывали бумагу...

Дальше потянулся длинный и нудный разговор, иногда больше похожий на перебранку, но чаще напоминавший торг. Мне стало скучно, я перестала вслушиваться и принялась рассматривать внутреннее убранство шатра, время от времени сталкиваясь с изучающим взглядом колдуна.

Беседа, казалось, подходила к концу, вождь все чаще соглашался с Атиусом, а маг сыпал обещаниями и посулами. Но тут вмешался Нанук. Он что-то коротко сказал Ыргыну, тот после некоторой заминки произнес:

– Договорились.

– Значит, ты даешь людей до лета, а я оставляю дары, выплачиваю деньги и сообщаю графу Стоцци обо всех твоих требованиях? – уточнил маг.

– Да. И еще оставь в дар ее, – вождь с некоторой опаской указал на меня.

Это заявление было столь неожиданно и нелепо, что Атиусу едва не изменила его обычная сдержанность. Он немного помолчал, изумленно приподняв белесые брови и борясь то ли с гневом, то ли со смехом, потом осторожно переспросил:

– Ее?.. Но зачем?

– Сильная женщина. Сильные ноги, сильные руки. Высокая женщина. Хороших детей мне родит, – отрывисто пояснил Ыргын.

Однако, судя по его испуганному виду, он не испытывал ко мне никаких пламенных чувств и ничуть не жаждал остаться наедине. Зато взгляд колдуна сделался масляным.

– Мара, выйди, – приказал Атиус. – Ал с Наем, и вы тоже.

– Наконец-то, зеленая, ты хоть кому-то приглянулась! – расхохотался Най, когда мы втроем выбрались из шатра и отошли на почтительное расстояние. – Старик с тебя глаз не сводил!

– Завидуешь молча, – парировал Ал. – Интересно, а зачем он нас выгнал?

Это я как раз отлично понимала. Хотя характер нордийцев и нельзя сравнить с орочьим, племенные обычаи очень похожи.

– Он правильно поступил. Для Ыргына женщина – низшее существо, почти товар, она не имеет права слова. Отказать ему в моем присутствии значит нанести оскорбление. С другой стороны, я такой же воин, как и вы. Поэтому уйти должны были все.

– А с чего ты взяла, что он откажет? – фыркнул Най.

Ал открыл было рот, чтобы ответить веселящемуся парню, но не успел: из шатра вышел Атиус. Вид у мага был довольный и даже несколько игривый.

– Возвращаемся, – сказал он.

Мы уже рассаживались по упряжкам, когда ко мне подошел колдун. Что-то проговорив, он протянул костяную безделушку.

– Охранный амулет, – перевел сопровождавший его воин. – Нанук говорит, будет беречь от стрелы и копья.

Я вопросительно взглянула на Атиуса. Тот кивнул и произнес:

– Мара благодарит за подношение и принимает его.

Круглый амулет покрывали искусно вырезанные на кости письмена, в отверстие с краю был продернут кожаный шнурок. Эта штука напомнила мне обереги, которые изготавливал

Одноглазый Улаф. Вежливо улыбнувшись, я повесила сомнительное украшение на шею. Физиономия колдуна приобрела довольное выражение.

Защелкали кнуты погонщиков, и мы отправились обратно в факторию. Усилившийся ветер поднимал поземку, низкое небо нахмурилось тучами, погрузив в сумрак и без того короткий зимний день. Но несмотря на капризы погоды, настроение у моих спутников было отличное. Атиус, довольный результатами переговоров, подтрунивал над управляющим, Ал весело переругивался с Наем. И только я отчего-то испытывала странную грусть. Все это – заснеженные равнины, настоящий мороз, какого не случается в Арвалийской империи, сумеречные короткие дни и непроглядные длинные ночи, а особенно селение нордийцев с такими знакомыми, такими уютными шатрами напомнило мне о Т'харе, всколыхнуло в душе острую тоску. Захотелось забыть о суетной, сложной и чужой империи. Может быть, раз дорога в родные степи мне заказана, остаться здесь, где все просто и понятно? И снова зимою охотиться на пушного зверя, а когда настанет лето, нестись на коне по бесконечному серебряному морю ковыля...

– Ты что?! – заорали мне в ухо. – Одурела?

Очнувшись, я обнаружила, что зачем-то перевесилась через край саней и не вывалилась только благодаря Алу, который крепко держал меня за шиворот.

– Куда собралась? – возмущенно спросил друг, отвечивая мне хорошую затрещину. – Ты рвалась выскочить, едва тебя удержал.

Я очумело помотала головой. Ал отпустил мой ворот, продолжая сердито бурчать что-то о безумных орках, которые дуреют от снега. Я же, ненадолго придя в себя, вскоре снова погрузилась в неясные мечты. Меня опять потянуло бросить все, забыть об этих людях, с которыми меня ничто не связывало. Разве могут они понять любовь к этим суровым землям, ощутить всю радость охотничьего азарта, восторг от бешеной скачки по степи...

– Мара! Еще одна выходка – и я сам тебя выкину!

Надо же! Оказывается, я снова едва не выпрыгнула из саней. Ал изрыгал ругательства, Най смотрел недоуменно, Атиус же только посмеивался. За время пути я еще три раза предпринимала попытки сбежать. В конце концов возненавидела себя.

– Что с нею? – взывал Ал, когда мы прибыли в факторию.

– Разберитесь сами, – загадочно ухмыльнулся Атиус. – Считайте это новым экзаменом по антимагии. Подсказку вы получили, действуйте. А я пошел обедать.

Разумеется, Ная гораздо больше интересовал трактир, чем мои странности. Верный Ал остался со мной.

– Старый хрен явно тебя заколдовал, – озабоченно заявил друг, когда мы вошли в пустую по случаю обеденного времени казарму и уселись на топчанах. – Ну-ка, снимай его подарок!

Я рванула кожаный шнур, отбросила амулет прочь, прислушалась к себе. Легче не стало. Если в этой штуке была какая-то магическая зараза, то она успела перекочевать в мои мысли. На подвижном лице Ала отразилось сожаление, смешанное со злостью.

– Поехать обратно и вытрясти из него душу? – задумчиво протянул он.

Я махнула рукой. Существовал гораздо более простой и надежный способ – раш-и.

Сконцентрироваться было невероятно сложно. В сознании плясали снежные вихри, мелькали незнакомые лица, свистел северный ветер. И так хотелось уйти туда, к людям, которые могли понять меня, стать моей семьей и племенем! Обрести свободу. Но где-то в глубине разума еще сохранился росток здравого смысла, говорившего, что свобода, к которой я так стремлюсь, на самом деле лишь иллюзия, и за нею меня ждут рабские цепи. Я нащупала этот крохотный росток и принялась осторожно возвращать его.

Прошло много времени, прежде чем мне удалось усмирить порывы души и тела и постепенно, медленно, войти в раш-и. Больше не было ни диких желаний, ни страстей –

на меня снизошло прохладное спокойствие, состояние равновесия. И в то же время я ощутила невероятную силу. Мир замер, все вокруг перестало существовать, остались только я и амулет. Сформировав из энергии разума тонкую плеть, я прикоснулась к костяному кругу, исследуя его, вытягивая информацию, заглядывая в прошлое. Вещица сопротивлялась, не желая делиться тайной. Но мое сознание победило. И увиделось тогда заснеженное поле, шатры из оленьих шкур, костер, выбрасывающий вверх оранжевые языки. И колдун в белой шубе, он плел заклинание, произнося неведомые слова. Я не понимала их смысла, но знала, о чем говорит старик. Он призывал в свидетели стихии огня, воплощенного в костре, воздуха, что порождает ветер, и воды, что превратилась в снег. Он просил землю откликнуться и подарить мертвой кости свое притяжение. Хватал невидимые отклики стихий, вплетая их в колдовство, скручивал заклинание в тугую нить. А потом резко встряхнул руками, и пульсирующие чары сорвались с кончиков пальцев, впитываясь в амулет. В этом действе была своеобразная красота – красота древней стихийной магии. Я впервые ощутила, как прекрасно бывает волшебство. Мне стало жаль разрушать его, и я бережно расплела заклинание, отпустив составляющие его частицы на свободу.

– Браво!

Вернувшись к действительности, я увидела Атиуса. Стоя на пороге, маг широко улыбался и аплодировал:

– Браво, Мара! Ты сумела перейти на следующую ступень обучения. – Он уселся рядом со мною, поднял опустевший амулет и предложил: – Надень на память. Теперь это просто кусочек резной кости.

– Жестокое испытание, – нахмурился Ал. – А если бы она не справилась и убежала в селение?

– Тогда это стало бы испытанием для вас с Наем. Отправились бы ее выручать, – посерьезнев, сказал маг. – Я позволил Маре надеть амулет только потому, что верил в ее возможности. Будь на ее месте человек, он не совладал бы с заклинанием Нанука. Но орки отличаются устойчивостью к чарам. К тому же Мара очень сильный антимаг.

– И зачем старик это сделал? – поинтересовалась я.

– Судя по всему, он озабочен улучшением породы. Хочет, чтобы его народ снова стал свободным и независимым. Кстати, завоевание других племен – его идея. Он поит Ыргына травами, от которых у вождя появляется отвращение к ржавке. Правда, действует зелье недолго – потребность в горячительном у нордийцев уже в крови, так что приходится поить вождя ежедневно. Вот он и решил женить Ыргына на тебе, чтобы получить здоровое потомство.

Я промолчала, мысленно желая Нануку удачи, несмотря на его козни в отношении меня. Потому что если он сумеет захватить власть, то следующим шагом станет выдворение из страны арвалийских торговцев. А это будет справедливо.

– Отдыхайте, – сказал Атиус. – Завтра с утра выступаем. Местный погодник говорит, надвигается еще одна снежная буря. Нужно успеть пройти перевал.

Мы с удовольствием выполнили приказ командира и остаток дня провели в ничегонеделании: наелись до отвала в трактире и завалились спать.

Насчет утра Атиус высказался слишком мягко. Он поднял нас, когда в небе еще не потухла Ночная волчица. Несмотря на предупреждения мага-погодника, который твердил, что путешествие накануне метели равносильно самоубийству, мы покинули факторию. Не сумев отговорить нас, волшебник с управляющим выделили отряду проводника из местной охраны.

Начало пути казалось спокойным: ветер стих, вокруг воцарилась тишина.

– Нехорошо, – бормотал проводник, – плохо дело...

Ребята лишь пожимали плечами. И только я одна мысленно согласилась: в северных краях такое зимнее безмолвие сулит непогоду. Вскоре наши опасения подтвердились: на рассвете с неба посыпались большие пушистые хлопья. Внезапно налетел ветер, подхватил снежинки, поднял сумасшедшую круговертъ. Жалобно заржали испуганные кони. Один Зверь, привычный к холоду и снегу, продолжал спокойно пробираться сквозь буран. Нарцисс, поводья которого были привязаны к луке моего седла, нервно дрожал.

– Возвращаться надо, пока не поздно, – проводник с трудом перекрикивал вой метели. – Занесет!

– Успеет, немного осталось, – настаивал Атиус. Но его слова заглушил страшный грохот, от мощных раскатов которого задрожала земля.

– Лавина с гор сошла, – пояснил проводник.

Пройдя пару миль, мы убедились в его правоте: перед нами высилась огромная белая гора – похоронив под собою и перевал, и подступы к нему, она отрезала все пути к большой земле. Мы оказались заперты в Нордии до весны.

Лэй

Я неожиданно для самого себя очнулся и широко распахнул глаза, будто кто-то одним рывком выдернул меня из сна. Такое пробуждение обычно случается, если резко и сильно толкнуть спящего. Первые несколько секунд я не мог прийти в себя и понять, где нахожусь – не помнил абсолютно ничего. Когда же наконец удалось согнать мысли в беспорядочно копошащуюся в голове кучу и с трудом сфокусировать взгляд на одной точке, пришла боль. Не то чтобы она была совсем уж невыносимой – нет, можно назвать ее терпимой. Все тело ныло, будто я угодил под табун бешеных диких лошадей, которые по странной случайности не растоптали меня в лепешку, а лишь попинали от души. Не болели только ноги.

Справившись с приступом боли, я принялся осматривать место, в котором неизвестно как очутился. После беглого изучения выяснилось, что я нахожусь в довольно просторной пещере. Она освещалась несколькими лучинами, воткнутыми в трещины стен. Примерно на высоте моего роста, прямо в камень были вбиты металлические крюки, с которых свисали пышные связки разных сушеных трав. Почти все растения мне были известны, но имелись и те, которые я видел впервые. Высокий потолок покрывала копоть от сложенного из камней очага, что находился прямо в центре пещеры. Над огнем на перекладине висел котелок, в котором начинало закипать какое-то варево. Кстати, его запаха я совсем не ощущал. Хозяин жилища не злоупотреблял чистоплотностью, и по полу был разбросан мусор: пожухшие, явно валявшиеся здесь с прошлого года листья, веточки, мелкие камешки и крупные черные перья.

Сам же я лежал на ложе из веток, сваленных вперемешку с соломой и сушеной травой. Все это сооружение напоминало огромное гнездо. Конечно, не королевское ложе, но мягко и удобно. Вдобавок, кто-то очень добрый заботливо обработал и перебинтовал все мои раны.

Устав от долгого лежания, я решил хотя бы присесть, а там, может, и встать, если получится. Попробовал согнуть ногу в колене и... И понял, почему мои ноги не болят! Я их не чувствовал. Совсем. А это могло значить только одно: поврежден позвоночник.

Черной волной на меня накатил ужас. Спина покрылась холодным липким потом, к горлу поднялась тошнота. Перед мысленным взором возникали картины одна страшнее другой: маг-калека, никому не нужный, нищий, убогий, вынужденный побираться и показывать на ярмарках дешевые фокусы... Это если мне удастся выбраться из этой пещеры. А если нет? Молодой эльф, умирающий в горах от голода...

Что за шутки судьбы?! Ради чего тогда я прожил свои двадцать семь лет?! Зачем трепыхался, сражался за свободу, убегал от преследователей?! Впервые в жизни я впал в настоящую истерику. Начал конвульсивно дергаться, стараясь хоть как-то подвигать ногами. Тело до пояса скрутило дикой болью, но я все равно продолжал попытки расшевелить беспомощные конечности.

– Успокойся, – прозвучал над головой чей-то странный голос. Будто с трудом выдавленный из горла, какой-то клекочущий, больше похожий на птичий крик, он был абсолютно лишен каких-либо эмоций и выражения, но обладал непонятным магнетизмом.

Я сразу же перестал дергаться, ужас ушел, сменился спокойствием, все переживания волшебным образом испарились.

Я медленно повернул голову на голос, чтобы рассмотреть его обладателя. Посреди пещеры стоял кровер, устремив на меня внимательный взгляд. Черные глаза выглядели яркими блестящими бусинами на покрытой белыми перьями птичьей голове. Оперение тела и крыльев было черным. Окрасом и мощным кривым клювом он напомнил мне орла. Впервые я видел кровера вживую, прямо перед собой. На картинках, если честно, птицелюды выглядели лучше, как-то... симпатичнее, что ли. Уж больно у этого было худое тело и слиш-

ком длинные, тонкие, словно высушенные, руки, каждый палец которых был украшен длинным загнутым когтем. Ноги кровера, прикрытые чем-то вроде штанов из перьев, были чуть согнуты в коленях, а заканчивались птичьими лапами с такими же, как на руках, только еще более длинными когтями. Единственное, что в этом существе было красиво – большие мощные крылья, сложенные за спиной. Какой же у них размах, интересно?

Вспомнились лекции, которые нам читали в академии. Особенности речи кроверов объясняются тем, что рот у них устроен не так, как у остальных говорящих существ. Отсутствуют губы, мягкие щеки и зубы, которые участвуют в создании звуков, также играет роль особое строение языка – у птицелюдов он тверже и менее подвижен. Как птицы, кроверы попросту очень точно копируют звуки, потому им легко даются любые наречия.

Тем временем хозяин пещеры медленно, вразвалку подошел и, дотронувшись до моего лба когтистым пальцем, произнес:

– Тебе надо спать.

Веки сразу потяжелели и начали закрываться сами собой, в постепенно потухающем сознании успела мелькнуть лишь одна мысль: «Морт! Это же настоящий гипноз!». Но сил сопротивляться не было, и я провалился в пучину сна.

Проснувшись, я увидел склоненную надо мною птичью голову. Кровер изучающе разглядывал меня, и по его неподвижному лицу... морде... в общем, не знаю, как это называется у птицелюдов, невозможно было определить, что он думает.

– Пей, – сказал он и поднес к моему лицу чашку с какой-то прозрачной жидкостью.

Я послушно осушил посудину. Питье оказалось прохладным, слегка горьковатым и без всякого запаха. Должно быть, то самое, которое бурлило в котелке, когда я проснулся впервые. Наверное, долго проспал, раз оно успело остыть...

– Отлично, – пробормотал кровер, когда чашка опустела. – Не волнуйся, ты сможешь ходить, только на восстановление этого навыка понадобится пара месяцев. У тебя было смещение позвонков, но я все исправил. Еще перелом левой ноги в трех местах, вывих правого предплечья, множество ушибов и ссадин.

Птицелюд сам ответил на мой невысказанный вопрос.

– Спасибо, что спас меня. Но разве возможно с такими серьезными травмами поправиться за столь короткий срок?

– Это благодаря зелью, что ты выпил. Из-за него твой организм направит на восстановление все силы. Все процессы в теле ускорятся. Правда, есть небольшой побочный эффект: жизнь сократится примерно лет на десять. Но ведь для эльфа это не срок, – объяснил кровер.

Действительно, для меня это была небольшая потеря в обмен на спасение и восстановление позвоночника. Лучше прийти к могиле на десять лет раньше, зато собственными ногами.

– Могу я узнать твое имя? – спросил я.

– Ты не сможешь его выговорить, зови меня просто Эр, – ответил птицелюд.

– Лэй, – представился я. – Еще раз благодарю за спасение, я у тебя в долгу.

– Теперь отдыхай. Мне надо покинуть тебя ненадолго, – произнес Эр, кивнув.

Я остался наедине с собой, и в голову сразу полезли воспоминания о том, что произошло. Последнее, что я помнил – наполненный ужасом взгляд орки. Тогда в ее глазах мелькнуло что-то смутно знакомое. Я где-то уже видел и эти черные как ночь глаза, и выражение страха в них. Может, в тех видениях, которые являлись в зеркалах?..

Вспомнил! Заснеженный горный перевал, ледяной ветер, крупа с неба... И огромные чудища, выскакивающие прямо из камня. Скальные черви – кровожадные тупые твари. Я сразу попытался достучаться до их сознания – бесполезно. Червей снедал страшный голод, и они не обратили внимания на мое обращение. Впрочем, даже услышь они призыв, это ничего не изменило бы. Монстры слишком безмозглы, чтобы понять разумных...

Меня ударил скальный червь, и перед падением я долго балансировал на краю пропасти. Но как я умудрился сорваться? Ловкость дана эльфам от природы, и каждый из нас при желании мог бы пройти по канату, натянутому над бездной... В тот момент на меня налетел порыв ветра – мощный, неожиданный, он словно чья-то рука толкнул меня в грудь. Но почему?..

Морт меня раздери! Ну конечно! Как до меня раньше не дошло? Хотя увы, на его месте так поступили бы слишком многие... Я бы с большим удовольствием проткнул подлеца шпагой, но месть придется отложить на неопределенный срок. Да и вообще, иногда жажда возмездия – самый короткий путь к смерти. Не то чтобы я был склонен к всепрощению, но и гоняться за врагом по всему миру, лишь бы воздать ему должное, не стал бы. А вот если когда-нибудь представится удобный случай, обязательно им воспользуюсь. Да и Эр сказал, что мне придется провести в пещере не меньше двух месяцев. Значит, нечего распалять душу злобой, нужно направить все мысли на исцеление.

Птицелюд упомянул, что у меня было смещение позвонков – это очень серьезная травма. Обычно с таким повреждением навсегда лишаются способности ходить. Единственное, что может спасти – эльфийская магия жизни. Но ведь кроверы обладают только стихийным волшебством. Или я чего-то не знаю? Надо будет спросить Эра...

Он вернулся через пару часов, когда я уже начал сходить с ума от скуки, успел обдумать все, что только можно, даже принялся петь про себя песни. Раньше я представить себе не мог, насколько это мучительно – быть прикованным к кровати.

Эр принес большие куски сырого мяса.

– Горный баран, – пояснил он, ставя на огонь котелок.

Вскоре похлебка весело забулькала, а кровер бросил в котелок какие-то корешки и сушеные травы.

Когда до моего носа дошел аппетитный запах еды, я понял, насколько голоден. Желудок сразу свело судорогой, а рот наполнился слюной. Пока кровер готовил, я чуть не захлебнулся.

Эр покормил меня, поел сам, и у нас завязалась беседа. Точнее, это я начал засыпать кровера вопросами, но ни на один не услышал толкового ответа. По поводу магии жизни птицелюд буркнул что-то вроде: «Я такой же, как ты. Но говорить об этом сейчас не хочу». Тогда я попросил его рассказать о себе, но Эр лишь замотал пернатой головой и сказал, что сначала хочет услышать мою историю.

Отказывать, врать или что-то утаивать я не стал, какой смысл? Не мог же кровер иметь отношение к кому-нибудь из моих преследователей. Да и вообще, это самое малое, чем я мог отблагодарить его за спасение. Рассказывал с самого начала, еще с жизни в Даллирии. Поведал об изгнании, о том, как скитался пять лет по Арвалийской империи, об учебе в академии. Рассказал, как меня подставили и чуть не обвинили в убийстве, как удалось выпутаться, но в итоге за мною стали гоняться все кому не лень. Подробно описал недавнее приключение в Безымянных землях и то, как мне слегка «помогли» совершить полет в пропасть.

Эр слушал мой рассказ внимательно, почти не перебивая, только иногда переспрашивал то, что ему было непонятно или просил что-нибудь уточнить.

После того, как я закончил, кровер еще довольно долго молчал, обдумывая услышанное. Тяжело было сказать, о чем размышляет птицелюд. С такими как он вообще непросто общаться: у кроверов отсутствует мимика, и голос лишен эмоций. Трудно понять, когда они веселые, когда им плохо или когда они злятся.

Вдруг Эр заговорил, стал рассказывать свою историю. Оказалось, он очень стар – кроверу было уже больше трех веков. Для их расы большой срок: в среднем птицелюды живут две с половиной сотни лет. Почти всю жизнь Эр прожил со своим племенем. У него даже были дети, но теперь отношений с ними он не поддерживал. У кроверов все как у обычных

птиц: когда птенец достигает определенного возраста и может сам добывать пропитание, он покидает родителей и заводит собственное гнездо.

Еще Эр рассказал, что с юности занимался магией и алхимией. Но был скорее теоретиком, потому что у него не имелось возможности применять знания на практике. Кроверы ни с кем не воюют, не строят города, не добывают полезные ископаемые. Самыми серьезными стычками в жизни Эра были моменты, когда в пещеры соплеменников прорывали тоннели скальные черви. Но такое случалось редко и только с теми, кто по глупости выбирал пещеры для жилья слишком низко.

Однажды племя решило сняться с насиженных мест и отправиться на другую гору, но Эр был уже стар и отказался перекочевывать. Решил спокойно доживать отпущенный ему срок отшельником...

– Тебе нужно поспать. А я буду готовить твоё лекарство, – сказал Эр в завершение речи.

Рассказ его оказался кратким и малосодержательным. Что-то не сходилось, казалось, кровер недоговаривает. Как он излечил такую серьезную травму позвоночника? Если излечил... Как прожил дольше уготованного срока более чем на полвека? Возможно, Эр долгожитель, но тогда, по логике вещей, он уже должен был совсем одряхлеть и пошатываться от каждого дуновения сквозняка. Однако птицелюд до сих пор был силен – чтобы это понять, хватало одного взгляда на его мощные крылья. А откуда взялась баранина в похлебке? Судя по всему, кровер успешно охотился – значит, сохранил скорость реакции и остроту зрения. И как-то он умудрился донести до пещеры тушу горного барана, которую я бы поднял-то с трудом.

Все вставало на свои места, если предположить, что Эр владеет магией жизни. С ее помощью несложно и омолодить организм, продлив отмеренный природой срок до определенных пределов, и исцелить почти любой недуг, в том числе и смещение позвонков. Но как такое возможно? Магией листвы и жизни владеют только эльфы. И как понимать фразу кровера: «Я такой же, как ты»? Мой сородич, что ли? Случайно отрастил перья, крылья и клюв, а уши отвалились? Вопросов все больше, а ответа ни одного...

За этими бесплодными рассуждениями я, незаметно для самого себя, уснул.

Так начались мои будни пациента и нахлебника в пещере кровера. Боль постепенно отступала. Целыми днями я валялся на ветках – спал и ел, чувствуя, как постепенно восстанавливаются силы. Такое положение вещей меня вполне устраивало. Если есть возможность отдохнуть, почему бы ею не воспользоваться? Благородным рвением помогать всем, оправдывая свое существование, я никогда не страдал. Да и какой из меня помощник, что может делать прикованный к кровати?

Единственное, что сильно огорчало – утрата шпаги, подарка тетушки Полли. Видимо, я потерял ее, когда сорвался в пропасть. Эр сказал, что меня протащило по всему склону, и одежда превратилась в лохмотья. Неудивительно, что порвался и пояс, на котором висела шпага. Но с этой бедой я быстро смирился. Главное, сам каким-то чудом выжил, а потерю оружия, которое мне было дороже скорее как память, можно как-нибудь пережить.

Наступил день, когда боль ушла совсем. Сонливости больше не было, я ощущал прилив сил. Ходить я еще не мог, но отдыхать уже надоело. Первую половину дня я всегда помирал со скуки. Бесплодные размышления приелись, разговоры с самим собой быстро утомляли, а книг у кровера не имелось.

Тоскливее всего становилось, когда Эр был занят делами: улетал из пещеры в поисках пищи или каких-нибудь травок для зелий. Вернувшись, он сначала осматривал меня, менял повязки, натирал ушибы и раны лечебными мазями, затем готовил еду. Всю работу кровер делал молча, сосредоточенно, не отвлекаясь и ни на что не обращая внимания. Но когда дела заканчивались, наступало время, которого я каждый день ждал с нетерпением – беседа с Эром.

Первое время мы общались мало, но вскоре мне удалось разговорить старого кровера. Оказалось, он обладает поразительными познаниями, его голова была просто кладезем полезных сведений о чародействе. Эру можно было бы смело идти преподавать в любую магическую академию. Казалось, птицелюд знает о волшебстве все. И не только о стихийном. Его знания в области магии листвы значительно превосходили мои. Эру даже были известны некоторые орочьи и гоблинские шаманские обряды. Также кровер хорошо разбирался в истории Вирла.

Но настоящей страстью птицелюда была алхимия. О ней он мог повествовать бесконечно. Эр много рассказывал о свойствах растений, которые можно найти только в его родных горах. Он поведал мне составы редких зелий, даже поделился несколькими секретами их изготовления. Много говорил о своих собственных исследованиях и экспериментах. Когда кровер начинал рассуждать об алхимии, его невозможно было остановить. Я старался запоминать все, что он рассказывал – конечно, у меня это не получалось в полной мере, но я считал, что если удастся сохранить хотя бы часть бесценных сведений, это уже будет хорошо. Несколько раз я пытался спросить у кровера, откуда он почерпнул столько знаний, если всю жизнь провел в горах. Всякий раз Эр втягивал голову в плечи – как оказалось, этот жест означал смущение и раздражение, умолкал и отказывался продолжать беседу. Но все же в конце концов он поведал мне историю, которая до сих пор вызывала у него печаль.

Знания о стихийной магии Эр получил от мастеров своего народа и из книг человеческих мудрецов. Когда птицелюд был моложе, он сумел собрать большую библиотеку, на протяжении многих лет заказывая книги у управляющих факториями. И когда очередной караван доставлял заветные томики, Эр выменивал их на редкие травы, росшие в непроходимых горах, шкуры горных баранов и собственноручно приготовленные зелья. Кровер не скупился и платил хорошую цену. Случалось такое, что при покупке какого-нибудь особо ценного трактата ему приходилось несколько раз возвращаться в свою пещеру, потому что все, что требовали в обмен на книгу, Эр просто не мог унести в один прием. Так постепенно он и собрал библиотеку, которою очень гордился.

Но богатство погибло в одночасье. Как объяснял кровер, все случилось из-за его собственной глупости. Чтобы другим птицелюдам не мешали алхимические опыты, которые зачастую производили много шума и сопровождались то выбросом вонючего газа, то ядовитыми испарениями, он выбрал пещеру гораздо ниже, чем селилось остальное племя. В тот несчастливый день Эр, как обычно, улетел собирать необходимые для зелий травы. Вернувшись домой, он застал страшную картину: в его пещеру прогрыз нору скальный червь. Уродливые твари, чтобы прорывать ходы в толще породы, выделяют очень сильную кислоту, которая растворяет любые препятствия. Этим веществом червь и полил добрую часть книг, остальные же голодный монстр просто сожрал. Эр, конечно, уничтожил его, но библиотеку уже было не вернуть...

Птицелюд до сих пор горевал по книгам, словно по живым существам. Рассказывая мне о гибели библиотеки, он нахохлился и втянул голову в плечи, сделавшись похожим на больную курицу. Я сам был не рад, что вызвал кровера на откровенность, поэтому поспешил свернуть беседу и больше никогда не заговаривал на эту тему.

Мое лечение проходило весьма успешно. Через некоторое время к ногам стала возвращаться чувствительность. Поначалу я мог только слегка двигать пальцами, но вскоре даже сумел согнуть ногу в колене – правда, только правую, кость на левой к тому времени еще не срослась. Но благодаря зелью, которым меня поил Эр, заживление шло быстро. Примерно через месяц я впервые поднялся на ноги, только устоять на них самостоятельно не смог.

Пришлось с помощью кровера чуть ли не заново учиться ходить. Перед этим Эр улетел из пещеры примерно на сутки, чтобы вернуться с одеждой для меня – грубыми шерстяными штанами и рубахой. Еще он принес унты и тяжелую шубу, сшитые из шкуры и меха горного

барана. Кровер выменял их в ближайшей нордической деревеньке. Через неделю я уже сносно перемещался по пещере, опираясь на палку, которую птицелюд тоже подобрал специально для меня.

К концу второго месяца мое здоровье полностью пришло в норму, я твердо стоял на ногах. Тогда и вышел из пещеры впервые. Наружу вел природный коридор длиной шагов в пять. Преодолев его, я оказался на широком каменном карнизе и в первые секунды едва не ослеп. Лучи Атика, отражаясь от совершенной в своей белизне поверхности снега, сверкали мириадами искр так ярко, что от их сияния начинали болеть и слезиться глаза.

Привыкнув к свету, я огляделся. Передо мною открылась величественная картина: на западе и востоке, врезааясь в небеса острыми пиками, возвышались горы, покрытые шапками искрящегося под лучами Атика снега. Впереди, насколько хватало взгляда, простиралась степь Безыманных земель, но я мог еще различить тонкую темную полосу леса.

Я был так поражен увиденной красотой, что задержал дыхание и сообразил это, только когда горло сдавило от нехватки воздуха. Сделав глубокий вдох, я принялся внимательно изучать окрестности. На юго-востоке заметил ущелье и нитку перевала, по которому мы шли с караваном, даже разглядел то место, где со мной произошел «несчастный случай». Примерно прикинул, сколько я пролетел, сорвавшись, и тихо присвистнул от удивления. Вышло очень серьезное расстояние. Как же я умудрился не разбиться? И сколько пролежал на дне ущелья? Благо, после падения потерял сознание от первого удара – иначе мог умереть от боли. В каком же состоянии меня обнаружил кровер? И как ему удалось долететь со мною до пещеры? Да, силен...

Еще долго я стоял и любовался открывшимся видом. В пещеру вернулся, только когда замерз так, что от холода перестал чувствовать ступни и пальцы рук.

Вечером мы как обычно сидели у очага и ужинали похлебкой из мяса горного барана. Насытившись, Эр отставил плошку, уставился на меня и произнес:

– Мне надо с тобой серьезно поговорить. Ты знаешь, кто ты?

Такой вопрос поставил меня в тупик.

– Э-э-э... Ну... Лэй – эльф, – осторожно ответил я. Мало ли, вдруг старый птицелюд в одночасье сошел с ума и запомнил, кого пригрел в своей пещере?

Эр издал несколько резких звуков, похожих на воронье карканье – так кровер смеялся.

– Я не об этом. Тебе о чем-нибудь говорит слово «саторис»?

Морт! Конечно, мне было известно это слово! Только вот я так и не смог узнать, что оно означает, потому что профессора Алишера, который не раз упоминал о саторисах, очень не вовремя убили. Или очень вовремя... Возможно, мага убрали как раз из-за того, что ему стали известны сведения, не подлежащие огласке? Заодно и меня подставили. Имел я кое-какие мысли на этот счет...

– Слово известно, но я не знаю его значения.

– Тогда расскажу тебе одну очень старую легенду, которая у магов нашего народа передается из поколения в поколение. Хочу, чтобы ты слушал внимательно. Я считаю, что она правдива, надо только отделить истину от небылиц, которыми она обросла за много веков, – начал ковер. – Ты когда-нибудь слышал сказку о том, что в давние времена все расы жили вместе, в мире и согласии? – дождавшись моего утвердительного кивка, Эр продолжил: – Разумеется, изначально все расы не могли жить вместе, это просто красивый вымысел – иначе в мире существовал бы только один народ. Но в сказке действительно есть доля истины.

Легенда, которую я хочу тебе поведать, рассказывает о тех временах, когда на поверхности Вирла был лишь один большой материк, омываемый со всех сторон Великим океаном. Тогда, как и сейчас, эльфы жили в лесах, деля их с гоблинами, орки кочевали в степях, кроверы свободно парили над пиками гор, а люди заселяли все земли, до которых только

могли дотянуться, не тревожа соседей. В то время разумные не знали ни голода, ни войн. Не было политических интриг и дрязг, правители были мудры и справедливы. Не существовало даже такого понятия как граница государства. Любой, будь то эльф, орк, гоблин или человек, мог пересечь весь континент, не встречая на пути преград и ограничений, не опасаясь за свою жизнь. Расы жили в мире и абсолютном согласии, свободно делились друг с другом знаниями и вели честную торговлю – настолько были развиты цивилизации. Только гномы обособлено селились в недрах своих гор, лишь изредка общаясь с обитателями поверхности. Но и они были мирным народом.

Даже магия тогда была другой. Чародеи, независимо от того, к какой расе они принадлежали, могли использовать как стихийное волшебство, так и магию листвы. Шаманства же не было вовсе, его придумали гораздо позже. И все маги были саторисами. Вообще, слово «саторис» в переводе с языка древних – чародей.

– Получается, так называют тех, кто может использовать все виды магии? – перебил я кровера. – Но ведь все знают, это невозможно!

– Да, – ответил Эр. – Слушай дальше. Вероятно, такой высокий уровень развития цивилизации был возможен именно благодаря силе чародеев прошлого. Но это не значит, что маги всех рас были одинаковы. У волшебников каждого народа имелись предпочтения: эльфы легче общались с духами природы, люди и кроверы больше любили магию элементов. Только орки и гоблины не имели особого расположения к какой-либо силе и в равной мере использовали как стихийные, так и природные чары. Но в отличие от людей и эльфов, волшебники этих народов не могли добиться вершин совершенства ни на одном из путей.

– Но как вообще такое может быть? – удивленно спросил я.

– Существует теория, что все в мире состоит из мельчайших частиц, невидимых глазу, – продолжил кровер. – Объединяясь друг с другом, они образуют любую материю. Но большинство магов и исследователей отвергают эту гипотезу, ссылаясь на то, что еще никому не удалось выявить и доказать существование частиц. Еще считается, что не может быть такой силы, которая удерживала бы столь мелкие сущности вместе так, чтобы из них получалась материя. Но такая сила есть, древние называли ее первородной энергией. Вокруг Вирла постоянно циркулирует поток этой силы, поддерживая баланс, форму и содержание всего сущего. Разумные существа, рожденные со способностью чувствовать и использовать первородную энергию, и являются чародеями. Эту силу можно назвать чистой магией. Древние могли использовать ее во всех проявлениях, будь то энергия, заключенная в элементах, или магия посредников – духов природы.

Но однажды все изменилось. Никто не знает, был ли это гнев богов, неизвестная Вирлу враждебная магия или просто природная катастрофа. С неба стали падать огромные горящие камни, уничтожая все вокруг. Погибли почти все города, древние цивилизации канули в лету. Врезаясь в воду, огненные камни вызывали огромные волны, выплескивавшиеся на сушу и смывавшие все на своем пути. В то время земля изменилась, раскололась на две части, между которыми возникли новые океаны. Большая часть живых существ погибла. Досталось даже гномам, их подземные города были разрушены, численность расы сильно сократилась.

После катастрофы выжили немногие. Оставшимся – отброшенным в развитии далеко назад людям, эльфам, гоблинам и оркам пришлось бороться за выживание. Тогда и появились понятия: свой, чужой. Эльфы спрятались в уцелевших лесах, избрали нового короля и изгнали гоблинов. Маленький народец не сумел отстоять свои территории – силы были неравными. Гоблины ушли в болота, там они живут по сей день.

Орки сбились в племена, стали кочевать по пустынным степям. Некоторые пытались поселиться в эльфийском лесу, полном дичи и съедобных растений, но получили серьезный отпор. Люди же, объединяясь в группы и избирая правителей, начали заново отстраивать

города. Появилось множество мелких государств, которые сразу принялись воевать друг с другом за плодородные земли.

Изменилась и магия. Поток первородной энергии истратил главную мощь на спасение мира от полного уничтожения. Из-за этого он истончился и замкнулся, стал нехотя делиться силой с волшебниками. И тогда у эльфов осталась только магия листвы, а у людей – стихийная, потому что теперь чародеям хватало первородной энергии ровно настолько, чтобы использовать ее для создания волшебства, к которому они были расположены с рождения.

Хуже всех пришлось гоблинам и оркам, не таким близким к природе как эльфы, но и не способным чувствовать силу элементов, подобно людям: они вообще потеряли возможность использовать магию. Тогда им и пришлось придумать шаманство, чтобы выжить. В итоге появился новый вид чародейства, который не уступал по силе ни магии листвы, ни стихийной. Хотя у него есть свои недостатки – волшба занимает слишком много времени. Шаманы орков и гоблинов долго настраиваются на магию посредством танцев, рисунков и песнопений, необходимых для того, чтобы почувствовать энергию природы и стихий. Но, не умея использовать эти силы по отдельности, они объединяют их вместе, получая нечто качественно новое.

В последние века поток первородной энергии стал постепенно восстанавливаться и расширяться. Благодаря этому на свет начали появляться новые саторисы, могущественные чародеи, не уступающие древним – такие как ты и я.

– Что... Как? – удивленно промямлил я. Неожданное окончание рассказа меня потрясло. – Ты шутишь, Эр?

– Успокойся, Лэй, – ответил кровер. – Хорошенько подумай, вспомни все, что с тобой происходило в последнее время, и ты сам все поймешь.

Я постарался взять себя в руки, умолк и погрузился в размышления.

А ведь действительно, если ситуация такова, как ее описывает Эр, то все становится на свои места. Тогда неудивительно, что птицелюд дожил до такого возраста и силен, будто и не старел. Используя магию жизни, он периодически омолаживал свой организм, благодаря ей же – вылечил и мой позвоночник. Но что насчет меня? На ум сразу пришли странные случаи в академии: взрыв на занятиях, драка в коридоре, когда я отшвырнул врагов с помощью воздушного заклятия, и неожиданное возгорание мантии профессора Алишера. Эльфу не дано использовать магию стихий, но если предположить, что саторисы существуют, а я – один из них, это все объясняет.

– Вижу, ты готов поверить, – произнес Эр.

Я молча кивнул.

– Тогда у меня есть к тебе предложение, – сказал кровер. – Ты хотел отправиться в Нордию с наступлением весны, когда перевал освободится от снега. Но чем ты собирался там заниматься? Спокойно жить, за еду помогая магией местным племенам? А если тебя найдут, что тогда ты будешь делать? Снова уповать лишь на удачу? Я могу научить тебя использовать силу стихий, магию жизни, шаманство и улучшить уже имеющиеся у тебя навыки. Жить мне осталось не так много, и я не хочу, чтобы мои знания погибли вместе со мной. Что скажешь? Согласен ли ты быть моим учеником? Покинешь меня, когда будешь уверен, что перенял все, что мне известно. Неважно, сколько времени уйдет на учебу – у эльфов долгая жизнь. И пусть твои новые умения станут неприятным сюрпризом для тех, кто тебя ищет.

– Согласен! – сразу же выпалил я.

От такой возможности отказываться было нельзя. Только безумец станет плевать в Лак'ху, повернувшись к нему прекрасной стороной.

Глава 2

Мара

Зимовка в фактории была бесконечно долгой и очень трудной. И дело вовсе не в лишениях. Как раз их и не случилось: селение было обеспечено провиантом под завязку – без изысков, конечно, но муки, сахара, пшена, вяленого мяса и прочих необходимых продуктов хватало, а свежую оленину мы покупали у нордийцев. Казармы были теплыми и удобными, трактир торговал ржавкой, настойками для любителей горячительного и мочеными ягодами для непьющих.

Мучительным пребывание отряда Атиуса в фактории делало безделье. Мятежные нордийцы по приказу своего вождя вернулись к работе в шахтах, охранники присматривали за ними. А нашим ребятам нечем было заняться, кроме как торчать в трактире. Наверное, так и жили бы, если б не Атиус, деятельная натура которого не могла вынести полусонного существования. Командир не собирался наблюдать за тем, как спиваются и опускаются его люди: он быстро нашел каждому занятие.

Мы, разумеется, продолжали совершенствоваться в антимагических практиках. Наю состояние опьянения нравилось гораздо больше состояния раш-и, но трусоватый парень, памятуя о пауке-группе с милым именем Красавчик, помалкивал и старательно сопротивлялся заклятиям, которые обрушивал на него Атиус. Остальных воинов чародей отправил на шахты, в помощь к постоянным охранникам. И хоть управляющий уверял, что его подчиненные отлично обойдутся собственными силами, командир настоял на своем: теперь наши парни заступали на посменное дежурство.

Но неугомонному волшебнику и этого показалось мало: уж очень он боялся, что слишком комфортное и спокойное зимовье подорвет боевой дух отряда. Дабы такого не произошло, Атиус придумал еще и ночные побудки. Степнякам не привыкать ко сну вполглаза, когда холодными ночами приходится дремать, чутко прислушиваясь к каждому шороху и положив рядом с собою меч, так что я переносила учебные тревоги легко. А вот мои товарищи реагировали по-другому.

– Сколько можно-то?.. – сердито бубнил Ал, возвращаясь в казарму после очередной побудки. – Можно подумать, к войне нас готовит.

– Неймется ему, мурту белокрысому... – со стоном подхватывал Най, предварительно оглянувшись, чтобы убедиться в отсутствии Атиуса.

Едва воины успевали отогреться в тепле и задремать, наступало время просыпаться. Маг безжалостно поднимал отряд задолго до ухода Ночной волчицы. Общая пробежка, завтрак, потом одни заступали на дежурство в шахтах, другие только возвращались с него. Вечером – обязательная для всех воинская тренировка и ужин. После такого насыщенного дня ребят не тянуло в трактир. Добравшись до казармы, они падали на топчаны и засыпали, чтобы посреди ночи снова подскочить по учебной тревоге.

Мы целый день проводили на антимагических тренировках, прерываясь только на обед. Теперь Атиус давал каждому отдельное задание. Он считал Ная слабейшим из нас троих, да еще и невзлюбил за трусливое поведение в Безымянных землях, поэтому парню доставалось больше всех. Маг «баловал» его мощными стихийными заклятиями, то поливая огнем, то сбивая с ног ураганным ветром, а то и вовсе с головой закапывая в сугроб.

Я, как и говорил командир, перешла на следующую ступень обучения. Теперь Атиус поручал мне работать с амулетами, талисманами и прочими намагиченными предметами. Не знаю уж, где он брал столько этих штук – то ли сам изготавливал, то ли покупал у местных, но

каждый раз это было что-то новенькое, наполненное самыми неожиданными чарами. Иногда мне легко удавалось разрушить волшбу, но чаще приходилось долго трудиться. Однажды очередная магическая штуковина чуть не покалечила меня: безобидная на вид кроличья лапка, какие обычно носят в кармане на удачу, оказалась мощнейшим амулетом, отталкивающим любого чужака. Не отдерни я руку вовремя – осталась бы без пальцев.

Ал тоже обучался работе с магическими предметами. Для начала Атиус давал ему лишь слабенькие талисманы, но и с ними у моего друга не ладилось. Никак у него не получалось почувствовать токи волшбы, вытянуть из предмета информацию. Погрузившись в раш-и, бедняга часами сидел в компании очередного талисмана, но в итоге оба оставались «при своих»: магическая вещь продолжала работать, Ал же не продвигался в изысканиях ни на дюйм. Все мои порывы помочь другу строго пресекались Атиусом, который требовал от каждого из нас самостоятельности. Неизвестно, как волшебник узнавал о моей помощи, ведь все время он проводил на улице, муштруя Ная. Но Ал не падал духом: вечером, от души выругавшись под нос, возвращал командиру талисман, а с утра снова принимался корпеть в попытках разрушить его чары.

Наши с Алом занятия проходили в казарме.

– Хорошо вам, – злобствовал после тренировок Най, рассматривая то очередную подпалину на куртке, то промокшую от водного заклинания обувь, – сидите себе над игрушками, руками водите, в тепле, в уюте. А я как проклятый по сугробам лазаю...

– А надо было лучше учиться антимагии, – важно отвечал мой друг. – Да и то сказать, куда тебе с волшебными предметами работать, если ты даже экзамен на сообразительность сдать не сумел, уделала тебя эльфийка.

При этом Ал не спешил ни признаваться в собственных неудачах, ни упоминать, что на последнем экзамене ушастая и его обвела вокруг пальца. Обычно после этих слов Най вспыхивал и принимался костерить Ала на чем Вирл стоит, тот же только ухмылялся.

Я не вмешивалась в их перепалки, и все старания друга рассмешить меня пропадали даром. Как я ни пыталась выбросить из головы картину гибели Дея, она снова и снова возвращалась в мое сознание. Я физически изматывала себя на воинских тренировках, а на антимагических – все глубже погружалась в раш-и, благодаря этому делая успехи, которым радовался Атиус. Но стоило мне освободиться, как снова перед внутренним взором вставал образ черноволосого мальчишки. Опять я переживала один и тот же момент: вот Дей балансирует на краю пропасти, вот делает шаг вперед, вот порыв ветра толкает его в грудь, и он летит вниз, к верной гибели. И есть в этом что-то неправильное, лживое. И этот ужас в зеленых глазах... его взгляд преследовал меня в каждом сне, словно Дей хотел дотянуться до меня из Альгемара – или куда уходят эльфы? – что-то сказать мне оттуда, из посмертия. А я не могла понять! Только чувствовала: пока не пойму, откуда берется это гложущее ощущение неправильности, не видать мне покоя.

Наверное, я так и осталась бы жить с этим грузом на сердце, гадая, чего хочет от меня душа Дея, но случилось по-другому.

Это произошло в начале весны, когда ночи стали чуть короче, а дни – длиннее, когда морозы еще не ушли, но уже немного ослабили ледяные объятия, и лучи Атика в полдень слегка подтапливали шапки снега на крышах, отчего дома украсились длинными сосульками. «Скорее бы уже протаял десидов перевал, – бурчал Най, – выбраться бы из этой мерзкой дыры». Ал подшучивал над ним, но как-то вяло: ведь мечта о возвращении в Арвалийскую империю занимала умы всех воинов.

Наши тренировки проходили как обычно. Мой друг все же научился справляться с магией талисманов и перешел к простеньким амулетам. Мне же Атиус все усложнял задания. Каждое утро он выдавал нам новые зачарованные предметы и уходил гонять Ная заклин-

нениями. Возвращаясь вечером, маг забирал «обезвреженные» вещицы и тщательно проверял их на наличие магии.

В тот день все начиналось, как всегда. Командир протянул Алу маленькую фигурку оленя, грубо вытесанную из дерева, а мне – серебряный медальон на тонкой витой цепочке. Круглая, не больше ногтя величиной, пластина была покрыта непонятными символами, в середине поблескивал крошечный красный камешек.

– Занимайтесь, – бросил Атиус и, обращаясь к Наю, добавил: – А ты ступай на улицу, сегодня отрабатываем сопротивление големам. Помнится, ты с ними справлялся только благодаря товарищам.

Мы остались вдвоем. Покрутив в руках статуэтку, Ал положил ее перед собою, сделал глубокий вдох и погрузился в раш-и. Я внимательно всматривалась в амулет, лежащий на ладони. Серебро пластины почернело от времени, цепочка змеей обвивала мое запястье, красный камень недобро поблескивал, напоминая налитый кровью глаз какого-то маленького, но очень злобного зверька. Не нравилась мне эта штука.

Я сконцентрировалась, потянувшись сознанием к медальону, осторожно коснулась, пытаюсь понять, какая магия наполняет его. Он не отзывался. Не было пульсации волшбы, в сознании не возникало картин, показывающих, как создавался амулет – ничего, полная тишина. Я сделала несколько попыток проникнуть в сущность этой вещицы – бесполезно. Время шло, внимание, не получая пищи, рассеивалось против моей воли – я была близка к выходу из состояния концентрации. Может быть, медальон пуст, он всего лишь обычное украшение? Может, именно в том, чтобы определить это, и заключается задание? Находясь на грани раш-и и реальности, я еще раз мысленно коснулась серебряного диска...

И тут что-то полыхнуло в сознании, вокруг встала стена черного пламени, отрезая все пути к отступлению. Я не могла ни вернуться в действительность, ни провалиться в спасительное равновесие раш-и. Не было ничего, лишь черное огненное безумие, пожиравшее мой разум... душу... меня саму. Я задыхалась в нем, сгорала, из последних сил пытаюсь приказать руке выпустить амулет или заставить онемевшие губы вытолкнуть крик о помощи. Но тело не слушалось, а сознание угасало. Огонь стремительно уничтожал мою сущность, тогда как для всякого стороннего наблюдателя я продолжала спокойно сидеть на топчане, внимательно глядя на медальон. Понимая, что еще мгновение, и от меня останется пустая выжженная оболочка, я решительно шагнула в бушующее пламя. Это мысленное движение стоило мне последних сил. Жадные языки схватили меня и поволокли в бесконечную темную пустоту...

– Мара! Мара! – в окружавшую меня мягкую черную бездну ворвался чей-то далекий голос. – Мара, ты слышишь? Очнись.

Боль. Сначала слабая, потом все сильнее, наконец, резкая, обжигающая лицо, она стала моим спасением. Я медленно поднималась из неведомых глубин затянувшего меня небытия, всплывала, словно из омута. И вместе с дыханием ко мне возвращалась моя жизнь. Она возникала в памяти целыми картинками, которые начинались с самого детства, наслаивались друг на друга, приближались ко дню сегодняшнему. Вот мой отец – великий воин Вархард, огромный как гора. Он наклоняется ко мне, маленькой, подхватывает на руки, смеется.

– Пойдем, я покажу тебе мой подарок!

Он выносит меня из шатра. На поляне бьет копытом прекрасный гнедой жеребец. С тех пор я всегда выбираю гнедых коней...

Вот мы вместе с Олавом и Торвальдом бежим по степи. Торвальд на правах старшего брата учит нас стрелять из луков...

Ритуал наречения жениха и невесты... Мой первый бой с ятунами... гибель отца... Картинки все убыстрялись, вихрем проносились в сознании. Но, несмотря на безумную скорость их мелькания, я видела все в малейших подробностях. Драка с Ранвальдом... суд

Тира... мой уход из Т'хара... школа мордобоя... вспышка бешенства в Безымянных землях... гибель Дея...

Обрубок подышающего червя совершает стремительный бросок. Мой истошный крик: – Берегись! – подхватывает ледяной северный ветер. Искалеченная тварь ударяет Дея перед тем, как волшба Атиуса отправляет червя в пропасть. Хрупкий эльф балансирует на краю ущелья. Успокоительная мысль: «Он удержится, ушастые от природы очень ловкие...» Неожиданный порыв ветра толкает его в грудь...

Новая пощечина привела меня в чувство, заставила всплыть на поверхность реальности. Открыв глаза, я увидела склонившегося надо мною Атиуса. Чуть поодаль топтался перепуганный Ал.

– Очнулась! – возрадовался друг. – Ну ты даешь, Мара! Я уж думал все, каюк!

Я лежала на полу – очевидно, туда меня швырнул странный приступ. Кружилась голова, тело сковала противная слабость. Правая рука была судорожно стиснута. Я с трудом разжала онемевшие пальцы, и на доски пола упал серебряный медальон. Атиус бережно поднял его, расстегнул ворот рубахи и повесил на шею.

– Ты сумела разгадать тайну нашего фамильного артефакта? – недоверчиво спросил он. – Что ты видела, Мара?

– Смерть Дея! – ненавидяще прохрипела я, собрав последние силы и резко выбрасывая руку вперед, чтобы вцепиться в горло Атиуса.

Пальцы схватили воздух – командир легко отстранился и отправил в меня заклинание. Сил, чтобы отразить его, не было совершенно, и волшба мягко охватила меня, окутала, словно шелковое покрывало. Вроде бы и не больно, но не пошевелиться.

– Это ты убил его!

Я забилась, пытаюсь освободиться от пут, вдруг в один миг растеряв все приобретенные навыки, забыв о хладнокровии, снова став дикой оркой, Бешеной Марой, одержимой жаждой сражения. Теперь, увидев в забытии картину прошлых событий, я поняла, что же казалось мне неправильным.

– Ты убил его волшбой, гнусный ублюдок вонючего ятуна и дохлой лисицы!

Лицо мага омрачилось. Он щелкнул пальцами, и чары соскользнули с меня, вернув свободу. Только вот сил ею воспользоваться уже не было.

– Присмотри, – Атиус кивнул Алу на меня и быстро вышел из казармы, бросив уже на пороге: – Через час явитесь на общее построение.

– А если... – растерянно начал мой товарищ.

– На себе тащи! – рыкнул командир.

– Ты что творишь, орясина ты зеленая? – набросился на меня товарищ, когда мы остались вдвоем. – Что это еще за обвинения?

Я усмехнулась и устало прикрыла глаза. Похоже, «орясина» становится моим вторым именем. Славные у меня друзья! Дей вот тоже так называл...

– Ал, – медленно, с расстановкой проговорила я, – на перевале дул СЕВЕРНЫЙ ветер.

– Само собой, – хмыкнул друг. – Это ж Нордия!

– А ветер, ударивший Дея в грудь, прилетел с ВОСТОКА. И исходил он от Атиуса, больше неоткуда.

Ал присвистнул:

– Волшба? Да, других магов вокруг не было... Но если это так, – нахмурившись, тихо произнес он, – ты должна быть очень осторожна. Это серьезное обвинение, Атиус такого не простит.

Друг помог мне подняться и усадил на топчан. Я погрузилась в обволакивающую дремоту. Ал, присев рядом, рассуждал себе под нос:

– Как он тебя на месте не убил? Хотя должен был нас обоих...

Окончания фразы я уже не слышала, уснула. И впервые за последнее время мне не приснился мой постоянный кошмар.

Казалось, прошло всего мгновение, когда Ал осторожно встряхнул меня:

– Вставай, пора.

Я поднялась, мимоходом отметив, что отдых пошел на пользу: силы вернулись, хотя и не полностью. Вдвоем мы вышли на улицу, где уже толпились ребята из нашего отряда. Они тихо переговаривались, расспрашивали друг друга, пожимали плечами: всем хотелось знать, что случилось.

Построившись, мы ждали Атиуса. Волшебник вскоре появился с каким-то свитком в руках.

– Я собрал вас, чтобы выяснить одно важное обстоятельство, – хмуро проговорил он, разворачивая свиток и протягивая его направляющему. – Посмотреть и передать дальше.

Бумага дошла до Ала, он тихо выругался и передал ее мне. С потрепанной бумаги на меня смотрел... Дей. Неизвестный художник постарался, изображая его: тщательно прорисовал тонкие черты лица, зеленые глаза, насмешливую полуулыбку надменных губ. Это совершенно точно был Дей! Только вот волосы у паренька на портрете были светлые.

– Все посмотрели? – произнес Атиус, когда свиток вернулся к нему. – И думаю, все узнали. Это Лэйариел Вэй'иллоский, лишенный дворянства и изгнанный из Даллирии за неподчинение властям. Он также был объявлен в розыск за жестокое убийство, совершенное в Арвалийской империи.

По рядам воинов пробежал шепоток.

– Этот портрет я купил у пограничников в Лиафе, – продолжил Атиус, переждав волну шума, – Помните, как тщательно они обыскивали караван?

– Точно, – тихо проговорил Ал. – Помнишь, Мара, они еще спрашивали, есть ли в караване эльфы?

Я упрямо пожала плечами. Во-первых, мало ли по какой причине пограничники об этом спрашивали, во-вторых, неизвестно, какого именно эльфа они искали. Портрет же волшебник мог взять где угодно. Не факт, что он говорит правду.

– Да, когда он присоединился к каравану, я не стал возражать, – Атиус повысил голос. – Не забывайте, парень помог нам справиться с разбойниками. Я мог бы отказать ему в пристанище, но предпочел, чтобы он был на глазах. Мог бы приказать схватить его, но что бы мы делали в дороге с пленным? Слишком много хлопот. И потом, присутствие сильного эльфийского мага в караване тоже было не лишним.

– Правильно рассуждает, – шепнул Ал.

– Дей спас нам жизнь, – ответила я, но память услужливо подсунула мне беседу с Атиусом, во время которой чародей говорил примерно то же, что сейчас.

Словно отвечая на мои слова, командир сказал:

– Да, он не раз помогал нам. Но так сделал бы каждый на его месте. Не очень весело путешествовать по Безымянным землям в одиночку.

– И погиб он тоже нарочно? – вслух спросила я, вызываясь глядя на волшебника.

– Нет. Его убил я, – прямо ответил Атиус.

Воины недоуменно переглядывались.

– Именно это я и хотел вам сегодня сказать, – кивнул маг. – Сначала собирался промолчать, но теперь вижу: это было ошибкой. Мы – одна команда, и у нас не должно быть секретов друг от друга. Секреты слишком дорого обходятся, как выяснилось... Итак, почему я убил парня? А вам не показалось удивительным неожиданное появление скальных червей? Насколько я знаю, такие нападения случаются крайне редко. За всю историю существования торгового Дома Стоцци, наши караваны ни разу не подвергались атаке этих тварей.

– Что, эльф вызвал? – ахнул Най.

– Именно. Не забывайте, жители Даллирии владеют магией жизни, которая позволяет отдавать приказания любым животным. Эльф мог бы одним словом загнать червей обратно в ущелье. Почему же он этого не сделал? Ответ только один: он сам призвал их на расправу с караваном.

Красиво говорил. Но только я не усматривала в его словах смысла. Зачем Дею было уничтожать людей, которых он только что самоотверженно спас от заразы?

– Эльф помог нам только для того, чтобы преодолеть с караваном остаток пути до Нордии, – пояснил Атиус. – Да и это под сомнением. Он ученый, ребята, не забывайте об этом. Вспышка странной болезни могла показаться ему интересным материалом для исследования. Он принялся изучать ее и заодно вывел лекарство, которое испытал на нас.

– Убедительно, – тихо произнес Ал.

Я не знала, верить командиру или нет. С одной стороны, вроде бы его рассказ был стройным и логичным. С другой – Дей ведь уже не мог оправдаться и опровергнуть слова мага, так ведь?

– Разойтись, – скомандовал Атиус. – А ты, Мара, останься.

– Ты там осторожнее, – еле слышно напутствовал, отходя, Ал. – Не увлекайся...

– Вижу, ты все еще сомневаешься, – произнес Атиус, когда мы остались вдвоем. – Любому другому я напомнил бы о контракте или познакомил с Красавчиком. Но ты – хороший воин и сильный антимэг. Мне было бы жаль потерять тебя, Мара. Поэтому прошу: как следует обдумай мои слова, прежде чем сделать выводы.

Я молча кивнула, собираясь уйти.

– И еще, – вдруг добавил Атиус. – Расскажи, что ты видела в артефакте?

– Ведь ты же сказал, что это амулет?

– Я решил устроить тебе испытание. Считаю, ты давно уже готова к переходу на новую ступень, к работе с артефактами. Вот и дал без предупреждения реликвию своей семье.

Я рассказала волшебнику все, что произошло со мной в состоянии раш-и.

– Негусто, – крикнул он.

– Ты что, сам не знаешь, как работает фамильный артефакт?

– В том и штука, что не знаю, – посетовал маг. – Он очень древний, сведения о его сущности, передававшиеся от поколения к поколению, затерялись в веках. До наших дней дошла только легенда... ну, неважно. В общем, я изучал эту десидову побрякушку, но так ничего и не узнал. Даже начал уже подозревать, что врет легенда, а медальон мертв. Или что когда-то его подменили. Вот и подумал, может, у тебя получится. А ты чуть не погибла.

Я молча кивнула, распрощалась с магом и двинулась прочь. Мне хотелось побыть одной и обдумать все, что я сегодня узнала. Понять, где правда, а где ложь.

– Нам не нужно ссориться, Мара, – проговорил мне вслед Атиус. – Мы оба – опасные враги. Так не проще ли быть друзьями?

Лэй

Занятия начались на следующий день, с самого утра. Мы уселись на полу пещеры друг напротив друга, и кровер заговорил:

– К обучению приступим со стихийной магии. Тебе придется научиться чувствовать энергию в элементах. Сначала будем тренироваться со стихией воды, затем перейдем к огню, потом – к воздуху, а под конец займемся землей. Пока я могу только научить тебя чувствовать землю. Манипулировать этим источником и использовать заклинания, связанные с ним, начнем весной, когда ты сможешь выбраться в степь. В горах работать с землей небезопасно. Тогда же продолжим совершенствовать твою магию листвы. Затем перейдем к магии жизни и шаманству, но это будет еще очень нескоро.

На несколько секунд воцарилась полная тишина, во время которой я пытался представить себе, чем грозят мне такие серьезные тренировки. Дав мне проникнуться важностью его слов, Эр продолжил:

– Для начала ты должен осознать, что можешь использовать магию элементов. Забудь о том, что вам говорили обратное. К тебе это не относится, ты – исключение. Как я и говорил, начнем мы с воды.

Птицелюд встал, взял котелок и покинул пещеру. Вернулся через несколько минут с посудиною, доверху набитой снегом. Провел рукой над котлом, и снег растаял.

– Конечно, можно было бы использовать воду, созданную при помощи магии. Но ты должен научиться чувствовать энергию в том, что тебя окружает, – кровер придвинул ко мне котелок. – Попробуй.

Я опустил взгляд на воду, стараясь ощутить энергию элемента, его магию. Но ничего не почувствовал. Ладно... Никто и не обещал, что получится с первого раза. Попробовал снова, на всякий случай даже опустил в воду руку. Ничего, кроме холода... Попытался еще несколько раз, но опять-таки результата не добился.

Может, я что-то не так делаю? И вообще, что значит «почувствуй»? Помнится, в заброшенном форте мне помогло состояние транса. Успокоившись, выбросив из головы все мысли, я отгородил сознание от внешнего мира и опять устремил взгляд на котелок. Пристальное внимание кровера мне больше не мешало, птицелюд словно отдалился, а потом и вовсе исчез. Я больше не ощущал запаха сухих трав, что витал в пещере, не видел каменных стен, не слышал звуков, доносившихся снаружи. Мир перестал для меня существовать. Остались только я и вода...

Но снова ничего не вышло: как я ни старался, а видел только обычную чистую воду, никаких тебе энергий и элементов. Выйдя из состояния транса, я досадливо проговорил:

– Не получается... Эр, ты уверен, что надо действовать именно так?

– Я не обещал, что будет легко, – ответил птицелюд. – Попробуй обратиться к воде так же, как ты обращаешься к духу природы.

Пожав плечами, я сделал, как он сказал – учителю виднее. Сначала долго пытался разглядеть духа воды, но ничего не получилось. Не отчаиваясь, я просто представил себе, что он есть, и обратился к нему на эльфийском. Но гнусный дух то ли просто проигнорировал меня, то ли... Стоп! А откуда у воды возьмется свой дух? Она же неживая!

– Эр, ты точно знаешь, что это правильный метод?

– Не совсем, – помявшись, ответил кровер.

– Как так? У тебя ведь были раньше ученики? – удивился я.

– Видишь ли, мне никогда не приходилось работать с учеником, который не обладает врожденным чувством стихий. Для меня это впервые.

Видимо, у меня здорово вытянулась физиономия, потому что кровер торопливо добавил:

– Успокойся, что-нибудь придумаем. А пока просто сиди и смотри на воду, может быть, что-нибудь почувствуешь.

Я тяжело вздохнул и обреченно уставился в котелок, все равно других идей пока не имелось...

Первое время, глядя на воду, я на все лады пытался к ней обратиться, почувствовать энергию. Безрезультатно. Когда идеи кончились, я просто сидел и пялился на котелок, думая о чем-то своем. Но вскоре даже мысли перепутались, я бездумно глазел на невозмутимую прозрачную жидкость. Через несколько часов бесполезного наблюдения начал клевать носом. Когда сознание почти погрузилось в сон, вдруг послышался громкий щелчок, и на меня полыхнуло жаром. Открыв глаза, я увидел, что на меня медленно надвигается большой огненный шар. Это было так неожиданно, что я ничего не сумел предпринять, лишь сжался в комок и закрыл руками голову.

Но мне не суждено было превратиться в обгоревшую головешку. Время будто замедлило ход, неожиданно сознание заполнилось чужеродной силой, пришедшей словно извне. Но на этот раз боли не было, разум не заволокло пеленой темноты: я принял эту силу. В голове сразу прояснилось, стихия воды поглотила весь страх и мысли о неотвратимой гибели, очистив разум, наполнив меня энергией и незамутненной радостью. Правду говорят, что вода способна впитывать все негативные эмоции.

Мысленно я направил поток полученной силы в сторону пульсара. Послышалось шипение испаряющейся влаги, все вокруг заволокло клубами горячего пара. Когда он рассеялся, я увидел, что пещера залита водой, пучки трав на стенах разбухли от сырости, а огонь в очаге потух. Кровер тоже промок с головы до лап, и теперь напоминал огромную мокрую курицу.

– Ты немного перестарался, Лэй, – безуспешно пытаюсь отряхнуться, сказал он. – Вместо водяного заграждения от огня ты создал пять фонтанов. Один из них весь вылился на меня. Знаешь, как тяжело высушить перья?

Если бы кровер мог мимировать, уверен, его лицо выражало бы крайнюю степень обиды и укора. Не выдержав представшего передо мною унылого зрелища, я повалился на пол в приступе дикого хохота. Но вдруг, осознав, что сейчас произошло, я едва не подавился собственным смехом. Мне удалось почувствовать энергию стихии и запомнить эти ощущения!

– Понял, Эр, понял... – забормотал я, подскочив и кинувшись к очагу. – Сейчас-сейчас! Если с огнем точно так же, я все высушу, вот только костер разведу...

– Остановись, – резко оборвал кровер. – Если ты не собираешься поужинать жареной птицей, лучше уж я все сделаю сам.

Я замер, осознав, что мог бы натворить, бесконтрольно воспользовавшись стихией огня.

Тем временем вода под взглядом Эра стремительно испарялась, снова заволакивая пещеру паром. Когда горячее облако развеялось, я увидел уже сухого кровера. Но снова не выдержал и рассмеялся: перья птицелюда от потока теплого воздуха распушились, и теперь Эр словно сделался толще в два раза, а на голове у него торчал задорный белый хохолок, как у попугаев с юга материка.

Хоть и не без осложнений, но мне удалось сделать первый шаг. Следующие несколько дней я практиковался со стихией воды: под присмотром кровера создавал маленькие фонтанчики, которые били прямо из воздуха, заставлял воду в котелке вращаться, образуя небольшие воронки – в общем, проделывал множество мелких фокусов. Боевым аспектам стихии Эр обещал научить меня в начале весны, когда сойдет снег, и мы сможем выйти на равнину.

С огнем все оказалось гораздо сложнее. Мне удалось почувствовать энергию этой стихии, но в отличие от воды, которая приносила чувство свежести, огонь оказался слишком норовист. В спокойном состоянии духа мне не удавалось подчинить этот элемент, каждый раз он обжигал мое сознание. Но и эту проблему удалось решить. Однажды, после очередной неудачной попытки я разозлился и, не успокоившись, снова обратился к стихии. Тогда огонь легко подчинился, но когда он коснулся моего сознания, я ощутил, что злоба в душе нарастает. Захотелось крушить все вокруг и, не осознавая, что делаю, я отпустил энергию на свободу... Благо, ничего катастрофического не произошло, меня лишь заволокло пеленой пламени. В следующий момент, испугавшись, я создал фонтан воды такой силы, что он, ударив из пола, не только вмиг затушил пламя, но еще и подкинул меня почти до потолка пещеры. В воздухе я перевернулся и приземлился на ноги, но вымок до нитки. На этот раз пришла очередь кровера смеяться надо мной.

– Огонь – стихия разрушения. Желание уничтожать у живых существ появляется, когда они испытывают гнев, на который огонь охотно отзывается, – пояснил Эр. – Определенные чувства и эмоции упрощают процесс обращения к стихиям.

Но несмотря на успех, птицелюд велел мне учиться управлять элементами в спокойном состоянии:

– Тогда и только тогда можно будет сказать, что ты освоил азы стихийной магии. Играя эмоциями, ты рискуешь потерпеть неудачу. Ведь невозможно в любой момент по заказу вызывать в себе определенные чувства, необходимые какой-нибудь стихии.

На этом мои достижения закончились. Целую неделю под чутким надзором кровера я пытался научиться использовать элемент огня, но он ни в какую не желал слушаться меня.

Однажды, когда я уже вконец отчаялся понять капризную стихию, птицелюд остановил тренировку и произнес:

– Кажется, я понял, в чем проблема. Знаешь, почему людям и кроверам легче использовать магию элементов, а эльфам – договариваться с духами природы? Разница заключается лишь в мировоззрении. Человек за отведенный ему короткий срок старается познать как можно больше нового, зачастую используя радикальные методы. От рождения в каждом человеке заложена идея покорения всего сущего, потому люди и научились повелевать неразумными стихиями. Кроверы – очень гордый и независимый народ. Существа, которым природа даровала крылья, мнят себя выше других. Естественно, им тоже больше подошла магия, где нужно приказывать. Эльфы же, напротив, на протяжении многих тысячелетий живут в согласии с окружающим миром. Их магия листвы основана на равноправном договоре с главными духами природы. Тебе нужно лишь понять, что ты имеешь полное право повелевать стихиями, не нужно пытаться с ними договориться. Сначала я думал, что тебе хватит осознания себя саторисом. Но я ошибся. Во время работы с силой стихий тебе придется полностью забывать основы магии листвы.

По словам кровера, все было очень просто. Но на деле, как обычно, оказалось наоборот. Глядя на пламя в очаге, я снова и снова пытался подчинить его. Через несколько дней я все же научился приказывать огню: некоторых вещей можно достичь только путем долгих, упорных тренировок.

– Отлично, – сказал кровер, когда у меня, наконец, получилось обуздать стихию. – Теперь я обучу тебя одному боевому заклинанию – огненному пульсару. Для его создания не требуется много места. Одевайся и выходи.

Накинув шубу, я вышел на карниз перед пещерой. Глубоко вздохнул и как обычно залюбовался открывающимся отсюда видом. От созерцания меня отвлек Эр:

– Готов?

Я молча кивнул.

– Для начала создай на ладони искорку, – сказал кровер. Дождавшись, когда я выполню его указание, продолжил: – Чтобы сотворить обычный пульсар, не нужны заученные формулы. Для этого требуется лишь опыт, концентрация сознания и сила мысли. Теперь постарайся придать огоньку шарообразную форму, уплотнить его как можно сильнее, добавляя при этом мощи.

Сосредоточившись на пламени, я сделал все, как сказал кровер. Огонь на моей ладони принял форму шара. Он все раздувался, наливаясь жаром. Мощь, бурлившая в пульсаре, так и норовила вырваться, поэтому приходилось постоянно тратить силы, сдерживая ее.

– Хм, с первого раза получилось неплохо. Теперь направь пульсар вперед. Пока он находится в полете, тебе придется контролировать его плотность и само направление, – поучал Эр.

Вытянув руку, я отпустил шар в воздух, но, преодолев несколько ярдов, пульсар распался роем безобидных искр.

– Не расстраивайся, – сказал кровер, взглянув на мою постную мину. – У многих в начале и так не получается. Продолжай тренироваться.

– До каких пор?

– Если сможешь без особых усилий послать пульсар ярдов на шестьсот, считай себя мастером, – ответил кровер и, хрипло каркая, вернулся в пещеру.

Оставшись на карнизе один, я сосредоточился на занятиях. Снова и снова пытался отправить огненный шар как можно дальше, сохраняя при этом его целостность.

Под конец дня, когда я полностью выдохся и совсем ооченел, мне все-таки удалось добиться некоторых результатов: прежде чем рассыпаться, шар пролетал ярдов двадцать.

Вернувшись в пещеру, я молча съел свою порцию похлебки (сил не осталось даже на разговоры) и завалился спать.

Всю следующую неделю я неустанно тренировался запускать огненные шары, чтобы довести навык до уровня рефлекса. Постепенно эта волшба стала мне удаваться, хотя на шестьсот ярдов послать пульсар так и не получилось.

Иногда за тренировками следил кровер. Он предложил попробовать делать пламя более мощным и бросать шары не просто в воздух, а в определенную цель. Пришлось методично швырять пульсары в валуны и выступы, стараясь нанести камню как можно больший урон.

– У тебя неплохо получается. Думаю, стоит перейти к более серьезной практике, – сказал Эр на восьмой день тренировок.

– Что ты имеешь в виду? А что, это все было несерьезно?

– Недалеко отсюда в ущелье обитает выводок скальных червей. Не желаешь поохотиться?

– А это не слишком опасно? – я поежился, вспомнив нападение тварей на караван.

– Я подстрахую, – успокоил кровер.

– И как же мне добраться до этого ущелья? – буркнул я, скептически оглядывая карниз.

– Тебе понравится способ, которым мы покинем это место.

Птицелюд расправил крылья, поднялся в воздух и завис надо мной, прокричав:

– Расставь руки в стороны!

Я подчинился, и Эр схватил меня подмышки. В следующее мгновение кровер оторвал меня от карниза и взмыл, стремительно набирая высоту. Вид, открывшийся мне, поражае красотою. Пики гор, покрытые девственно чистым, сверкающим под лучами Атика снегом, сияли белизной и были так близко – протяни руку, и коснешься вершины. Ни один драгоценный камень не искрится так на свету, как снег в горах. Далеко внизу простирались предгорные долины и луга, покрытые белым покрывалом. Весной, когда снег растает, здесь расте-

лется ковер из чудесных цветов и растений, о которых рассказывал мне Эр. Сердце кольнула легкая зависть к птицелюдам, которые видят всю эту красоту каждый день.

Когда мне уже стало казаться, что мы поднялись выше горных пиков, Эр вдруг сложил крылья и камнем рухнул вниз. Кажется, я кричал – сначала от испуга, потом от счастья. Это было ни с чем несравнимое чувство свободного падения. Реши кроверы устраивать такое развлечение за деньги для тех, кому летать не дано, они быстро бы разбогатели.

Мне уже казалось, что мы сейчас разобьемся о скалу, но в последний момент птицелюд расправил крылья. Свободный полет прекратился, и мы, паря, стали огибать гору.

Приземлились в заснеженном ущелье, с другой стороны скалы. Оказавшись на земле, я еще долго отходил от пережитого, бормоча:

– Интересный способ спускаться...

– Даже не думай, что так будет всегда. Ты не пушинка, – буркнул птицелюд, вставая на колени и зарываясь ладонями в снег. – Лучше приготовься, сейчас начнется самое интересное.

Все мои чувства обострились до предела. Я был готов в любое мгновение отразить нападение, откуда бы оно ни последовало. Но прошла минута, две, пять... ничего не происходило. А кровер так и стоял на коленях.

Примерно на десятой минуте ожидания мое терпение лопнуло. Когда я собрался было окликнуть Эра и предложить отправиться назад, передо мной взлетел фонтан мерзлых комков земли, камней и снега. В последний момент я успел отскочить и сделал кувырок назад. Поднявшись на ноги, увидел, что в земле образовалась дыра, из которой вылезает скальный червь. Высунув слепую белесую голову, тварь принялась водить ею из стороны в сторону, будто принюхиваясь, а через пару секунд, безошибочно определив направление, ринулась в мою сторону. От страха я создал пульсар и швырнул его в приближающегося монстра. Шар попал червю точно в голову и разорвался, отшвырнув тварь назад. Но заклятие не стало для монстра смертельным, лишь оставило черную борозду на его голове.

– Что ты делаешь? – крикнул Эр. – Мощнее пульсар, и перестань бояться, сосредоточься!

А ведь он прав, чего бояться? Это всего лишь здоровенный тупой червяк! Приказав себе не трусить, я сконцентрировался и создал заклятие гораздо сильнее предыдущего. Новый огненный шар пробил в теле твари огромную дыру. Червь несколько раз дернулся и издох.

На радостях я обернулся к Эру, чтобы похвастаться своим успехом. Но кровер не разделил моего ликования, он указал мне куда-то за спину. Я резко развернулся и увидел, как из-под земли в разных местах на поверхность выбирается еще пара десятков мерзких чудовищ.

И тут началась настоящая охота! На меня. Черви, будто зачарованные, бросались в мою сторону, абсолютно игнорируя кровера. Приходилось скакать по колена в снегу, увертываться от тварей, успевая при этом поражать их пульсарами. Благо эти черви были не так шустры, как те, которые напали когда-то на караван. Но одного я все же пропустил, и непременно был бы им сожран, однако кровер испепелил червя до того, как тот попытался меня проглотить.

Сражение с целой стаей вымотало меня до предела, и когда последняя тварь была убита, я без сил плюхнулся в снег. Эр, подхватив меня как маленького ребенка, поднялся в воздух.

– Почему все черви нападали только на меня? – крикнул я, когда мы летели к пещере.

– При помощи шаманства я внушил всей стае, что ты еда, – как обычно, без всякого выражения, ответил кровер.

В этот момент мне очень хотелось двинуть его в клюв посильнее. Но поднять руку не было сил, да и рискованно драться в воздухе – вдруг птицелюд обидится и выпустит строптивую ношу? Пришлось смириться.

– Но я добавил еще кое-какие заклятия, поэтому черви были такими медлительными, – добавил Эр, – в самый раз для начинающего...

Эта драка стала единственным серьезным практическим занятием за все время обучения. Дальше, до самого конца зимы, я учился только алхимии и стихийной магии.

После того как мне удалось подчинить элемент огня и понять основы стихийной магии, с двумя оставшимися источниками все прошло гораздо легче. Воздух оказался очень капризным элементом, но в конце концов я научился приказывать и ему. Быстрее всех поддалась земля, и только она подарила мне ощущение огромной мощи. Я почувствовал движение земных пластов, ощутил жар лавы, услышал землетрясение на другом континенте – все это было одновременно так далеко и так близко. Окрыленный чувством всесильности, я хотел было сотворить какое-нибудь заклинание, но меня остановил кровер:

– Перестань. В горах небезопасно использовать стихию земли, может случиться обвал.

За зиму Эр научил меня нескольким простым стихийным заклинаниям и многое преподавал из области алхимии.

В начале весны, когда сошел снег, я смог наконец покинуть пещеру самостоятельно. Ниже входа начиналась узкая тропа, ведущая в предгорную долину. Держась за край карниза, я повисал на нем, спрыгивал на тропу и отправлялся в долину. Там я проводил целые дни: гулял, искал целебные растения или просто валялся на едва проклюнувшейся молодой травке, наслаждаясь теплом и любясь каким-нибудь первоцветом. Эр не возражал против такого времяпрепровождения, напротив, сам посылал за травами, понимая, что это наполняет меня силами – для эльфа нет большего счастья, чем общение с природой.

В середине первого весеннего месяца, я, как обычно, отправился в долину. На этот раз Эр заказал китлявидку – редкий цветок, который распускается ранней весной. Эти крошечные синие звездочки бывает трудно найти, они прячутся под травой. Потому я вышел на поиски рано утром, набрал небольшой пучок, а возвращался уже после полудня.

Взбираясь на гору, я вдруг услышал эхо отдаленного взрыва. Встревожившись, я затопил к пещере.

Ни один безумец не станет так шуметь в горах. Или кровер внезапно свихнулся и решил провести какие-нибудь опыты со стихийной магией, или кто-то с недобрыми намерениями наведалься в наше убежище – других предположений мне в голову не приходило.

Чем ближе я подходил к пещере, тем явственней становились странные звуки. Они не были похожи на грохот обычного обвала – скорее, напоминали взрыв очень мощного пульсара.

Когда в поле моего зрения появился карниз, я увидел то, что больше всего боялся увидеть. Магический бой был в разгаре. Перед входом в пещеру стояли шестеро магов: двое держали защиту, остальные четверо швыряли в небо заклинаниями, пытаясь достать Эра.

Понятия не имею, как они меня нашли, но сомнений не было: эти люди пришли за мной. Не знаю, почему они напали на кровера, а может, он сам начал сражение, но это уже было не важно. Надо было придумать, как помочь Эру.

Тем временем птицелюд уклонялся от заклятий, то камнем падая вниз, то взмывая в небо, и постоянно атаковал людей под самыми неожиданными углами.

Войдя в очередное крутое пике, Эр пролетел совсем рядом с карнизом, перевернулся в воздухе и атаковал ближайшего волшебника Воздушным клинком – заклятием, которое многократно уплотняет и ускоряет ветряной поток. Такая волшба вполне способна разрезать даже камень, не говоря уже о человеческом теле. Чародеи не успели вовремя поставить щиты, и грудь одного из противников Эра разлетелась на куски, обдав остальных фонтаном крови.

Люди не растерялись и не обратились в бегство. Наоборот, лишь усилили оборону, пока один из чародеев спихивал в пропасть тело, которое могло помешать сражению.

Все-таки птицелюд был очень стар. Он не мог долго выдерживать такой темп сражения, и вскоре его движения замедлились. Это заметили и люди. Они перешли в глухую оборону, выжидая, когда кровер полностью выдохнется, но продолжали атаковать, чтобы он не мог создать что-то мощное, способное обрушить карниз.

Следовало как можно скорее помочь Эру, иначе ему долго не продержаться. Я решил сбросить людей в пропасть, что было проще всего. Они до сих пор меня не заметили, и этим стоило воспользоваться. Сконцентрировавшись, я обратился к огню и создал между ладонями пульсар, вложив в него всю мощь, какая была мне доступна. Когда шар дорос до размеров спелого арбуза, я больше не мог его удерживать и швырнул в основание карниза.

В последний момент один из магов заметил новую угрозу, и мое заклятие разбилось о щит, так и не достигнув цели. Один из чародеев тут же атаковал меня чем-то странным: в мою сторону полетел небольшой шар небесно-голубого цвета. Он переливался перламутром и походил на огромную жемчужину. Кто-то из людей закричал что-то вроде: – Идиот! – но было уже поздно. Хотя внешне это заклятие выглядело очень красивым и безобидным, все инстинкты кричали, что при столкновении с ним меня ждет печальный конец. Я принялся сооружать защиту, но уже понимал, что не успею: шар летел слишком стремительно.

Меня спас Эр: в последнюю секунду заклятие столкнулось с воздушным щитом и, изменив траекторию, прошло в паре дюймов от моей головы.

Птицелюд на несколько мгновений отвлекся на создание щита, этим и воспользовались наши противники. Два чародея атаковали слаженно: их чары одновременно врезались в тело кровера. Пульсар испепелил одно крыло, а заклятие воздушного клинка разрезало туловище птицелюда наискось от плеча до пояса.

Мир вокруг меня словно замер от горя. Я видел, как кровер медленно и неотвратно падает в пропасть. Я даже не мог надеяться на чудо. Эр был мертв, с такими ранами не выживают.

В душе вскипел гнев, глаза заволокло темной пеленой, все мысли отошли на второй план, осталась только ненависть к этим людям, к империи, к эльфам – ко всем тем ублюдкам, которые растоптали мои надежды на мирную жизнь в угоду своим прихотям. Все мои мечты были безжалостно ими разрушены из-за какого-то дерьмового дара, о котором я не просил, морт возьми. И вот теперь из-за этого же дара погиб ни в чем неповинный старик-птицелюд...

Я без сожаления вырвал бы из себя эту силу! Выдрал бы с корнем, если бы это помогло вернуть Эра – одного из немногих по-настоящему близких мне существ во всем Вирле. Я бы отказался от магических способностей, перестал быть волшебником, лишь бы вернуть кровера! Но это было невозможно...

Единственное, что я мог сделать в память об Эре – уничтожить людей, стоящих на карнизе. Частичку той системы, что убила птицелюда и растоптала мою жизнь.

В нужный момент разум преподнес воспоминание о чувстве всеисилия, которое я испытывал, обращаясь к стихии земли. В прошлый раз Эр запретил мне творить заклятия земли в горах, сказав, что может случиться обвал. Сейчас меня некому было остановить, а сам я плевать хотел на последствия. Обвал? Отлично, он-то и был нужен.

Сознание само обратилось к силе земли. Разум снова наполнился чувством безграничного могущества. Не зная, что делать, я просто приказал стихии устроить выброс энергии.

Не произошло ничего удивительного, гора не упала, земля не разверзлась и не плелась лавой. Я просто почувствовал слабый, едва уловимый толчок. Но и его было достаточно, чтобы начался обвал. На меня и людей покатила огромная лавина снега вперемешку с камнями. Кажется, кто-то из магов кричал. Чародеи попытались поставить щиты, но карниз под ними неожиданно рухнул.

Инстинкт самосохранения не оставил меня, и в последний момент я вжался всем телом в глубокую трещину из тех, которыми была испещрена вся гора. Но досталось и мне: в плечо врезался большой булыжник, левую руку пронзило острой болью.

Когда лавина сошла, я первым делом ощупал плечо – вывих. Его нужно было вправить прямо сейчас. Взявшись здоровой рукой за плечо, я резко дернул вперед и чуть не потерял сознание от боли. Сустав с щелчком встал на место, но теперь недели три левую руку следовало беречь от нагрузок.

Отдышавшись, я медленно и осторожно спустился к подножию горы. Внизу долго бродил, стараясь разыскать тело Эра. Но мои попытки оказались тщетными, лавина погребла кровера, став его могилой. Из людей не выжил никто, что и неудивительно. Еще немного походив по завалу, я наткнулся на труп одного из чародеев, точнее на то, что от него осталось, и без всяких эмоций обыскал его. В кармане нашелся небольшой кошелек, это оказалось очень кстати: в ближайшее время мне могли понадобиться деньги. Перевернув тело, я увидел на поясе шпагу – мою шпагу. Теперь стало ясно, как они меня нашли: в оружие было встроено какое-то поисковое устройство.

Сняв с мертвеца шпагу, я бросил ее на камни и, создав на правой ладони огненный пульсар, без сожаления расплавил когда-то дорогой моему сердцу подарок. Тетушка Полли оказалась хорошей актрисой. Возможно, она и не была в этом замешана... но теперь я уже ничему и никому не верил...

Десять дней спустя

Вода в реке была ледяной. Быстрые потоки, падая с горы, ударялись в ноги, желая сбить меня и унести вниз по течению. Но холодная, прозрачная как хрусталь вода бессильно разбивалась о преграду, которая была ей не по силам, яростно бурля, обтекала меня и уносила прочь.

Любой на моем месте моментально получил бы переохлаждение. Но я пользовался чарами огня, постоянно поддерживая определенную температуру тела, и одновременно с этим посылал в воду легкий магический импульс, который привлекал речных обитателей. Время от времени накалывая на заточенную палку какую-нибудь рыбешку, я резким движением откидывал ее на берег и начинал выискивать следующую. Наловив достаточное количество, вышел из воды. Потоком теплого воздуха высушил ноги, обулся и приступил к приготовлению еды.

Оказалось, что можно одновременно использовать силу стихий и магию листвы. Правда, комбинировать у меня получалось только самые простые и незначительные заклятия, и даже это впоследствии отзывалось легкой головной болью.

Шла вторая неделя моего путешествия налегке. Теплая одежда, нож и немного бесполезных в этой местности денег в кошельке, снятом с убитого врага – вот и все снаряжение, которым я располагал. Хотя чародею и этого достаточно, чтобы выжить, тем более саторису. В первые дни пути приходилось добывать пищу методами, противными самой моей сущности. Левая рука мортотски болела, потому об охоте не могло быть и речи. Пришлось при помощи магии листвы сначала приманить, а потом полностью выжечь сознание горному барану, так что несчастный покорно пошел навстречу собственной смерти. При этом я чувствовал себя подонком, хотя и понимал, что выхода нет.

Благодаря найденным в пути лечебным травам, я быстро восстановил руку после вывиха и стал добывать пищу более честным способом. Конечно, не без использования врожденных способностей, но уже не превращая животных в бездумных тварей, идущих на заклятие.

Каждый раз, останавливаясь на отдых, я мысленно возвращался в день гибели Эра. В последний момент кровер защитил меня и из-за этого пропустил два магических удара. Если

бы я тогда не вылез, возможно, птицелюд смог бы победить? Вряд ли. Бой вымотал Эра, и даже не будь меня, через несколько минут все закончилось бы точно так же. А вот если бы я, увидев чужаков, сразу устроил обвал, кровер остался бы жив. Но я сумел обрушить карниз в порыве гнева, а в спокойном состоянии мне не хватило бы знаний и силы.

Если бы не мой проклятый дар, меня бы не преследовали все кому не лень. Но ведь мы не можем выбирать, кем и где родиться, с какими талантами и возможностями. Мы не умеем предугадывать события, не способны ими управлять. Если бы Атиусу удалось со мной расправиться, то птицелюд до сих пор благополучно жил бы в своей пещере... Но я выжил, а Эр нашел меня и выходил, и случилось то, что случилось...

Вот уже вторую неделю, день изо дня меня преследовали эти «если бы». Умом я понимал, что моей вины в происшедшем нет, а все терзания – от сознания собственного бессилия, от горя потери. Со временем боль приутихнет, но не забудется...

Каждый день я неустанно твердил себе, что ничто не происходит без причины. Мне удалось сбежать из тюрьмы и пересечь границу. Я смог выжить в Безымянных землях и побороть их проклятье. Уцелел после падения с огромной высоты. Спасся благодаря Эру, который отдал за меня жизнь. Значит, я должен жить. Обязан. Любой ценой. И когда-нибудь...

Нельзя видеть месть смыслом своего существования. Не мне тягаться с силами, замешанными во всем этом. Хотя это не значит, что я все забуду. Если выпадет подходящий момент, я непременно им воспользуюсь... Нет. Буду терпеливо ждать случая. Эльфы живут долго.

Перекусив и отдохнув, я снова отправлялся в путь, шел на северо-запад от перевала. Когда-то Эр упоминал, что в этом направлении находится ближайшее племя нордийцев.

Местность не радовала красотой: вокруг простиралась степь, с низкой, недавно зазеленевшей травой и редкими кустарниками. Живности тоже было мало. Изредка прошмыгивали тощие зайцы, выглядывали из нор степные крысы. Иногда из невысокой травы вспархивали куропатки.

Ближе к вечеру, протопав изрядное расстояние, я наконец увидел дозорных племени. Они заметили меня чуть позже и направились в мою сторону. Когда нордийцы подошли ближе, я поднял руки, показывая тем самым, что пришел с миром, и принялся улыбаться, как блаженный. Не хотелось быть сразу насаженным на короткие копыта часовых.

Люди правильно истолковали мой жест. Подойдя вплотную, они не стали угрожать оружием, а просто удивленно уставились на мое лицо. Наверняка эльфы – нечастые гости в Нордии. Скорее всего, я был первым, которого они увидели за всю жизнь.

Затем началось самое трудное: яростно жестикулируя, я попытался объяснить воинам, что перед ними мирный путешественник. Втолковывал, что ищу кров и пищу, что хочу поговорить с их шаманом или вождем.

Люди быстро поняли меня – оказалось, они немного знали всеобщий. Услышав слова «шаман» и «вождь», дозорные оживились. Один что-то пробормотал другому на своем языке, а затем, уже обращаясь ко мне, ткнул пальцем в сторону деревни. Не понять такой жест было сложно, поэтому я пошел в указанном направлении. Один из воинов встал впереди, а второй зашел мне за спину, получилось некое подобие конвоя.

Оказалось, нордийцы живут в шатрах, сшитых из оленьих шкур. Все жилища походили друг на друга, словно грибы одной грибницы – трудно было определить, в каком из них обитает вождь или шаман. Жители деревни провожали меня любопытными взглядами, но все молчали.

Мы остановились посреди селения, возле обычного шатра. Один из воинов отодвинул полог и зашел внутрь. Долго ждать не пришлось, вскоре он выбрался и слегка подтолкнул меня, указав на вход.

Внутри было тепло, пол устилали толстые шкуры, в центре жилища располагался сложенный из камней очаг. Возле огня сидел маленький старичок с морщинистым лицом. Прищурив и без того узкие раскосые глазки, он наблюдал за пламенем.

Человек перевел на меня задумчивый взгляд. Я слегка поклонился, старик ответил легким кивком и сказал:

– Садись к огню.

Я молча уселся у костра напротив старика. Тут же полог зашевелился, в шатер прошмыгнула неприметная нордийка, поставила перед нами несколько больших глиняных блюд, кувшин, два грубо выточенных деревянных кубка, и быстро ретировалась. На тарелках лежала запеченная оленина и вяленая рыба, в кувшине оказалась моченая ягода.

– Ешь, – уронил старик.

Дважды меня упрашивать не пришлось. Когда я насытился, нордиец заговорил снова:

– Что привело тебя в наше племя, среброволосый шаман?

Услышав такое странное обращение, я едва сдержал улыбку. Эликсир Эра не только спас мне жизнь, но и заставил волосы расти быстрее. Окрашенную часть я обрезал охотничьим ножом, и теперь волосы настоящего цвета доходили мне до лопаток.

– Я ищу работу. Тебе же известно о моих способностях?

Старик нахмурился:

– Да. У моего народа есть легенда: много зим назад, со стороны Проклятого леса, пришли среброволосые длинноухие люди. У них были удивительные глаза – цвета неба или молодой травы. За то, что наши предки пропустили их через свою землю, среброволосые многое поведали им о природе. С тех пор эти знания передаются среди шаманов от отца к сыну. И не было с того времени ни одного года, чтобы люди умирали от голода... Мы чтим память среброволосых. Но у нас ты не найдешь работы, и нам нечем тебе платить. Иди в большое поселение, что в двух дневных переходах, в стороне, где встает Атик. Там ты можешь найти то, что ищешь.

Сначала я и не сообразил, о ком он ведет речь. И только спустя несколько минут понял: человек говорил о тех эльфах, которым пришлось покинуть родину после войны с орками, спасаясь от вырожденцев.

Нордийцы любезно предоставили мне ночлег и даже дали немного еды в дорогу, чтобы можно было идти без длительных задержек на охоту. Наутро я отправился в большое поселение, как шаман именовал факторию.

Я понимал, что, возможно, иду в факторию Стоцци. Кто-то в караване упоминал, что она одна из самых крупных в Нордии. Но меня это не пугало: шанс встретиться с Атиусом был равен нулю. Маг собирался загрузить алмазы и сразу отправиться в обратный путь. Даже если случилось что-то непредвиденное, и караван остался на зиму в селении, все равно он уже должен был покинуть факторию. Такой влиятельный человек, как граф Стоцци, не любит ждать.

Старик не обманул: я действительно добрался до места через два дня, к вечеру. На входе меня встретил продрогший часовой, обходивший вверенную ему территорию. Узнав в одиноком путешественнике эльфа, человек удивился, но без опаски указал мне на дом управляющего.

Возле низкого бревенчатого здания, к которому меня отправил часовой, я встретил уже усиленную охрану. Это и не удивительно – в доме управляющего должны были храниться алмазы, добытые на приисках.

– Он конюшню пошел проверить, – сказал один из охранников, когда я объяснил цель своего визита. – Можете поискать его там.

Я прошел к конюшне. Ворота оказались закрыты. Приоткрыв одну створку, я прошмыкнул внутрь и громко спросил:

– Господин управляющий, где вы?

Ответа не последовало, зато из другого конца конюшни раздалось слишком знакомое, взволнованное ржание. Я подбежал к одному из стойл, и к своему удивлению увидел Нарцисса.

– А ты, друг, что здесь делаешь? – пробормотал я, ласково поглаживая шею коня.

В ответ Нарцисс разразился уже радостным ржанием и доверчиво потянулся ко мне. Жеребец в соседнем стойле громко фыркнул. Обернувшись, я увидел Зверя, коня Мары. Это значило...

За спиной тихо скрипнула створка.

– Морт... – выругавшись, я резко обернулся.

Поздно: в воротах стоял Атиус.

– Здравствуйте, граф Дейнариэл, – произнес он, изобразив шутовской поклон. – Или мне стоит называть вас убийца Лэйариел?

– Ах ты урод... – процедил я сквозь зубы.

Несмотря на неистовое желание расправиться с Атиусом, я ничего не мог противопоставить опытному боевому магу. Следовало тянуть время: вдруг что-нибудь придумаю.

Глава 3

Мара

С наступлением весны отряд проводил все больше времени на тренировках. Но сегодня Атиус просто превзошел самого себя, гоняя нас дотемна. С утра мы с Наем и Алом практиковались в антимагии, а в обед отправились с остальными воинами за пределы фактории, где неумный командир устроил настоящее испытание на прочность. Сначала, пока было светло, мы упражнялись в стрельбе из луков. Потом, разбившись на пары, занялись фехтованием на мечах. Ни у кого из воинов не было двуручника, так что мне пришлось размахивать Пламенеющим в одиночку, просто чтобы тело не забывало выпады и движения. Когда стемнело, и мы уже предвкушали горячий ужин в трактире, Атиус скомандовал:

– А теперь пробежка! В доспехе и с оружием. Вон до того холма и обратно примерно пять миль. Как вернетесь – можете считать себя свободными. Разбирайте факелы.

Мы взяли по палке, обмотанной просмоленной паклей, которая тут же вспыхнула, подчиняясь заклинанию волшебника, и потрусили туда, где угадывался темный контур холма. Сам Атиус остался на месте, удобно устроившись на высушенном с помощью магии островке прошлогодней травы перед маленьким костерком.

– А я-то думаю, зачем он нас заставил факелы с собой тащить! – недовольно пыхтел Най. – Сам небось не побежал...

– Скажи спасибо, что не побежал, – ответил ему Ал, – и что доспех повседневный, а не тяжелый...

– Поднажми, – ускоряясь, бросила я другу.

Раньше прибежим – раньше отдыхать пойдем, а подстраиваться под едва плетущегося ленивого Ная совершенно не хотелось.

Мы первыми добрались до холма, обогнули его и побежали назад. Когда от нас до Атиуса оставалось не более пары ярдов, волшебник встал, неопределенно махнул рукой, то ли выражая одобрение, то ли показывая, как ему надоел отряд, коротким пассом затушил костер и быстро зашагал в сторону фактории.

Немного передохнув после бега, мы, не дожидаясь остальных, отправились в селение.

– Оружие скинем – и в трактир? – спросил Ал, когда мы добрались до фактории.

– Ты иди, я сначала Зверя проведаю.

Вот уже второй день у меня не хватало времени на выездку жеребца. Сегодня тоже не получилось. Я решила хотя бы проверить, как он там, и угостить его хлебом, который с утра сунула в карман куртки.

Подойдя к конюшне, я уже протянула было руку, чтобы распахнуть дверь, но вдруг услышала, как внутри кто-то коротко произнес:

– Ах ты урод...

Мелодичность голоса, несвойственная ни людям, ни оркам, не вязалась с грубостью слов и злобной интонацией. Этот голос я не спутала бы ни с одним другим. Память бережно сохранила слова немудреной эльфийской песенки, которую он напевал, вытаскивая меня из горячего бреда.

Замерев возле двери, я настороженно прислушалась.

– Зачем же так, Лэйариел? Что за некультурная простота в общении? – насмешливо говорил Атиус. – Ведь вы дворянин... ах, простите, бывший, конечно... Но тем не менее, мы могли бы выяснить отношения более дипломатичным способом. Это – последняя беседа в вашей жизни, посему благоволите тщательнее подбирать слова.

– Да пошел ты! – напористо выкрикнул эльф. – Лучше скажи, какого морта ты скинул меня со скалы?

– Неужто сам не догадываешься? – волшебник отбросил церемонии и говорил коротко, деловито. – Напрасно ты выжил, дружок. Придется мне исправить свою ошибку. Ладно, некогда с тобой возиться.

Судя по всему, Атиус творил какое-то заклинание. Моя ладонь легла на ручку двери. Нет уж, не позволю ему второй раз напасть на друга!

– И все же? Вытяжка, да? – молодец, Дей... или Лэй? Неважно, главное, не растерялся и тянет время.

Я ждала, готовясь в любой момент броситься на выручку. Судя по звучанию голоса, эльф находился в дальнем конце конюшни – скорее всего, у стойла Нарцисса. Атиус был ближе к выходу. Я старательно отбрасывала от себя негодование и злобу, погружаясь в раш-и.

– Конечно, мой талантливый, но такой наивный друг! Как думаешь, сколько заплатят торговцы за лекарство, которое позволит беспрепятственно пересекать Безымянные земли? А если это лекарство будет только у меня?

– Мог бы и купить его. Я б недорого уступил.

– Хм. А мое реноме? Репутация сильного мага и ученого? Как я могу признаться, что вытяжка изобретена не мною, а каким-то эльфийским бродяжкой?

– Да никто бы не узнал! Мне все равно в империю ход был закрыт!

– Ну, мало ли какие бывают случайности.

– погоди! Дай мне уйти. Нам обоим не нужны осложнения...

– А вот тут ты ошибаешься! Твой труп – не осложнение. Пожалуй, я за него еще и награду получу. Ведь ты же беглый убийца, Лэйариел.

– Я никого не убивал!

– Это неважно, малыш. В глазах общества ты опасный преступник, для меня – ненужный свидетель. А как говорится, лучший свидетель – мертвый свидетель. Ну, довольно болтовни!

Поняв, вернее, даже всем существом ощутив, что настал тот самый момент, почувствовав нарастающие эманации волшебства, я резко рванула створку и влетела в конюшню. Что именно буду делать – так и не решила. Мой двуличный наставник не научил меня, как поступать в таких ситуациях. Все приемы в состоянии раш-и, которые мы отрабатывали, были посвящены защите себя от чужой магии. А вот как защитить от нее другого, да еще и на расстоянии, я не знала.

И все же Атиус на свою белобрысую голову неплохо научил нас различать виды стихийной волшбы и противодействовать им. Я ворвалась как раз в тот момент, когда с его пальцев соскользнуло что-то очень мощное, сотворенное с помощью огня. Не раздумывая, я собрала в комок всю энергию раш-и, сконцентрированную вокруг моего тела, закрывавшую его невидимым щитом, и мысленно дернула, словно отрывая ее от себя и посылая к Дею. Получилось! Заклятие натолкнулось на преграду и завязло в ней, растворяясь и разваливаясь на набор безопасных плетений.

Швырнув энергетическую защиту, я в тот же миг прыгнула на Атиуса, подняв меч, понимая, что другого шанса разделаться с ним не будет. Но волшебник продемонстрировал великолепные бойцовские навыки: стремительно обернувшись ко мне, он отправил новое заклятие. Пламенеющий повело в сторону, выбило из рук. Меня спасло лишь то, что сила раш-и уже снова начала обволакивать тело. Благодаря ей волшба Атиуса не убила, а лишь отшвырнула меня, приложив о стену конюшни. На ладонях мага зародились заклятия, одно из которых предназначалось мне, другое – эльфу...

Дей опередил чародея на какую-то долю мгновения, бросив в него обычный огненный шар. Правда, этот пульсар был огромным и летел с невероятной скоростью. Вращающийся

ком пламени пробил защиту, выставленную Атиусом, и обрушился прямо ему на голову. В последний момент маг сумел немного смягчить действие заклятия, уменьшив шар вдвое и сократив время горения. Но и того, что рухнуло на него, хватило, чтобы сжечь волосы и кожу на лице. Завопив от боли, волшебник упал на бок, содрогнулся в агонии и замер. Заклятия, которые он не успел отправить в нас, ринулись вверх и пробили крышу. В образовавшуюся дыру видно было, как волшба взмыла в ночное небо и рассыпалась в нем снопом ярких разноцветных искр. Я ринулась, чтобы подхватить Пламенеющий – воин никогда не оставит оружие валяться на земле.

– Берегись! – крикнул эльф.

Обернувшись, я увидела, как из рукава Атиуса выбирается какой-то черный пушистый клубок. Скотившись с тела волшебника, ком развернулся, превращаясь в огромного паука-трупоеда. Красавчик, любимец волшебника, воинственно приподнялся, щелкая жвалами, и как-то странно напряжился. Я выдернула из ножен пятипалый и слегка пригнулась к земле, готовясь принять ядовитую тварь на клинок. Но вопреки моим ожиданиям паук не побежал ко мне, а вдруг взвился в высоком прыжке. Огненный шар, просвистев в воздухе, врезался в Красавчика, мгновенно охватив его тело пламенем. К моим ногам упал бесформенный клубок, похожий на пук обгоревшей травы.

– Скорее! – завопил Дей, – Где седла?

– Там! – я указала на небольшой чуланчик, где конюх держал всю сбрую.

Не тратя времени ни на приветствия, ни на благодарности, эльф бросился в чулан и выбежал оттуда, обвешанный конской упряжью. На улице зазвучали тревожные крики.

– Чего стоишь, зеленая, как дуб в священной роще? Седлай Зверя!

– погоди, – я попыталась образумить разбушевавшегося ушастика. – Куда ты собрался на ночь глядя?

– Бежать надо, Мара! Неужели не понимаешь?

– Не надо бежать! Мы все объясним. Ты не преступник. Атиус первым напал на тебя. И там, на перевале, хотел тебя убить, чтобы присвоить рецепт лекарства.

– И кто об этом знает? – скептически осведомился эльф.

– Ты и я.

Дей усмехнулся, вручая мне седло:

– И ты думаешь, нам кто-нибудь поверит?

Постепенно я начинала осознавать всю тяжесть нашего положения. Мы – два чужака – на конюшне рядом с трупом командира отряда. Выглядит и вправду совершенно недвусмысленно. Совсем недавно Атиус объявил всему отряду о том, что Дей, то бишь, Лэй – беглый преступник, которого необходимо было обезвредить. И вот эльф, не пожелавший быть обезвреженным, чудом выжил, явился в факторию и заклятием убил Атиуса. А я помогла преступнику, хотя обязана была спасти командира и поднять тревогу. И кто мне поверит?

Между тем Дей оседлал Нарцисса:

– Шевелись, Мара!

Он подбежал к телу Атиуса, склонился над ним и снял с пояса кошелёк.

– Ты что делаешь?

– Забираю трофеи, – коротко бросил ушастик.

Он рванул с шеи покойника серебряную цепочку, на которой висел медальон с красным камнем. Бросив на артефакт беглый взгляд, сунул его в карман.

– Седлай коня, Мара! Бежим, иначе нас повесят!

Точно повесят, если не доказать свою правоту. А как ее доказывать? Разумеется, в орочьем племени честного слова воина было бы достаточно. Но мы среди людей, здесь все обманывают всех. Безоговорочно мне поверил бы только Ал. Но ведь он мой друг, это все знают. Так что могут еще и его обвинить в соучастии. А если уж постараться быть честной

до конца, еще вопрос: не нарушила ли я кодекс воина? Ведь у меня контракт со Стоцци, и я клялась соблюдать его интересы. С другой стороны... а, потом додумаю! Я схватила седло и решительно двинулась к стойлу. Голоса на улице слились в гул толпы, и он неумолимо приближался к конюшне. Нас спасало только то, что большинство ребят из отряда Атиуса все еще не вернулись с тренировки.

– Н-да, Мара, в сражении у тебя реакция не в пример лучше, чем там, где требуется абстрактное мышление, – нервно хохотнул Лэй.

Не отвечая, я быстро оседлала переступавшего копытами в предвкушении скачки Зверя, вывела его на улицу, бросила в седельные петли фламберг и вскочила на коня. Эльф не отставал и вскоре оказался верхом на Нарциссе. К нам приближалась вооруженная толпа. Я тронула Зверя каблуками.

– Вперед!

Застоявшийся конь взял с места в галоп и понес меня к выезду из фактории. Лэй скакал позади. От толпы отделились несколько человек, бросились в конюшню. Остальные побежали за нами.

Часовой у ворот при виде нас поднял заряженный арбалет:

– Назад! Боевая тревога!

– Открывай, – процедила я.

Шум преследования приближался, а мне в голову полетел арбалетный болт. Развернув Зверя боком, я отразила выстрел щитом. Из-под ног часового вырвались длинные стебли травы, стремительно вырастая, опутали воина, повалили его наземь, подбираясь к шее. Лэй соскочил с коня, откинул засов с петель, распахнул створки.

Я вылетела из фактории, но эльф не торопился возвращаться в седло. Он вывел Нарцисса, тщательно прикрыл ворота, поднял руки и принялся выписывать пальцами фигуру заклинания. Судя по яростным крикам, делавшимся все громче, от преследователей нас отделял какой-нибудь ярд. Вдруг ворота содрогнулись, затрещали, словно собирались развалиться, и из них выползли побеги. На глазах утолщаясь, грубея, покрываясь корой, они переплетались и сливались друг с другом, намертво замыкая створки. Вскоре ворота превратились в единый монолит. Лэй вскочил на коня, и мы понеслись в темноту степи. Теперь обитателям фактории нужно было много потрудиться, прежде чем продолжить преследование, а у нас появился хороший шанс оторваться.

Ушастик вылетел вперед и помчался, показывая мне путь. Я скакала за ним: эльфы лучше чувствуют природу, и у Лэя было больше шансов отыскать во мраке дорогу, на которой мы не сломали бы шею. Когда мы оказались уже далеко от фактории, мальчишка придержал Нарцисса и спокойно, словно речь шла о небольшой прогулке, спросил:

– Куда едем?

В империю возвращаться нельзя, скакать на запад или северо-запад – бессмысленно, упрямся в Серый океан, там, на берегу, нас и схватят...

– На северо-восток! – решила я.

Лэй немного помолчал, прикидывая, возмущенно воскликнул было:

– Да там!.. – но осекся, поняв, что выбора нет, и развернул коня.

Мы скакали до самого утра. Когда в небе занялся поздний рассвет, я остановилась:

– Привал.

По моим расчетам, если за нами и послали погоню, мы оторвались от нее на приличное расстояние. Но вполне возможно, что преследователи поехали в противоположную сторону: вряд ли кому-то могло прийти в голову, что нам хватит безумия отправиться в Ятунхейм.

Мы отыскивали удобное место возле холма, у подножья которого бил крошечный чистый родничок. Ясно, что у нас не было с собой ни котелка, ни крошки хлеба, ни огнива, чтобы

разжечь костер. Впрочем, легче сказать, что у нас имелось, чем перечислять вещи, необходимые в дальней дороге, которых не хватало.

– Костер я разведу, – пообещал Лэй, – а ты подстрели кого-нибудь.

Расседлав и обтерев пучком сухой травы Зверя, я отправилась на поиски дичи. Совсем неподалеку от места привала из-под ног порскнула куропатка, потом еще одна. Они были подозрительно медлительными, как будто нарочно подставлялись под стрелу. Подобрав подстреленных птиц, я резко обернулась и успела заметить, как Лэй, слишком внимательно смотревший в мою сторону, быстро спрятал руки за спину.

– Так вот как тебе удалось победить в том состязании! – улыбнулась я. – Ты подманивал дичь с помощью своей магии!

– Ну да. Мы, эльфы, не столь... прямолинейны, как вы.

– А может, ты хочешь сказать: не столь честны?

– Можно и так, – легко согласился ушастик.

Узнай я о его способах достижения победы тогда, в лесу Безымянных земель – пришла бы в ярость! А сейчас, глядя на хитрую и немного виноватую мальчишескую физиономию, не могла удержаться от смеха. Лэй отыскал одинокое дерево, наломал веток, потом что-то поколдовал у ствола, уложил дрова шалашиком, с боков подсунул сухой травы и сосредоточенно замер над кострищем. Вскоре от него повеяло магическими токами, на руке эльфа загорелся огненный шар, рванулся к сухим веткам и... мгновенно спалил их дотла.

– Перебор, – пожал плечами ушастик. – Еще не научился как следует контролировать свои силы... – И снова отправился за дровами.

Со второй попытки у него все же получилось сотворить крошечную искорку и разжечь костер. Пока Лэй возился с огнем, я ощипала и выпотрошила птицу. Когда костер немного прогорел, зарыла тушки в золу. Мы сидели возле весело потрескивающего огня, глядя на оранжевые языки. Кони паслись неподалеку, выщипывая редкую молодую травку.

– Рассказывай, – потребовала я.

Эльф не уточнил, что именно я хочу услышать, только спросил:

– С чего начинать?

– Да с самого начала! И не забудь объяснить, откуда взялось владение человеческой магией.

И он рассказал – коротко, толково, суховато, стараясь не тратить время на эмоции – всю свою историю, начиная с изгнания из Бриллиантового леса. И только когда Лэй говорил об учебе, в его глазах словно появилась какая-то тоска – видно, академия заменила ему родной дом. Там он чувствовал себя на своем месте, там были те, к кому он искренне привязался.

Мало кто на моем месте поверил бы в то, что парень – не убийца, но я ничуть не усомнилась в его словах. Во-первых, не было у него причин расправляться с профессором, а во-вторых, разве меня саму не подставили подобным образом?

– Вот так я и оказался здесь, – закончил эльф и горько рассмеялся, – без денег, без еды, без оружия, зато с клеймом убийцы. Что-то не улыбается мне Лак'ха в человеческих землях!

Разворошив горячую золу, я достала куропаток и протянула одну Лэю. Некоторое время мы молча жевали, потом эльф произнес:

– Ну, а ты, Мара? Может, теперь расскажешь о себе?

– Расскажу. Обязательно. Но только позже. У нас впереди много времени, еще успею. А сейчас нужно отдохнуть.

– Согласен, – кивнул мальчишка. – Только вот наши планы лучше обсудить, не откладывая. Хотелось бы знать, куда мы направимся, когда выберемся из Светлого леса.

– Если выберемся, – поправила я, – и лес этот давно уже не Светлый. Теперь он Голодный.

– Ну пусть так... и куда пойдем?

– Послушай, Лэй. Хочу, чтобы ты понял: Ятунхейм – очень опасное место. Ты только слышал о живущих в нем монстрах, а я сражалась с ними. И могу заверить: они очень сильны и кровожадны. А сейчас, весной, особенно – оголодали за зиму. На, возьми, – сняв с пояса пятипалый, я протянула его эльфу. – У тебя должно быть оружие.

– Мое лучшее оружие – магия, – для вида запротестовал мальчишка, однако кинжал принял.

– На ятунов колдовство слабо действует. Шкура у них толстая, а мозгов совсем нет.

– И все же хочется надеяться на лучшее. Не для того я несколько раз избежал верной смерти, чтобы позволить сожрать меня каким-то тупым тварям. Поэтому давай решим, куда будем пробираться дальше. В Холодные степи?

– Т'хар для тебя так же опасен, как и Ятунхейм. Боюсь, мои сородичи не выпустят эльфа живым из степи. Да и мне туда дорога заказана, – вспомнив родину, я вздохнула.

– Что, тоже изгнанница? – понимающе хмыкнул Лэй. – Изгнанники, беглецы... хуже, пожалуй, только скитальцы...

Я молчала, осознав простую истину: нам некуда идти. Бриллиантовый лес и Холодные степи отпадают. Отсидеться в Ятунхейме, подождать, когда все уляжется, и вернуться в Нордию? А дальше? Всю жизнь бегать от племени к племени, скрываться в заснеженных землях, прятаясь от работников факторий? В Арвалийской империи, конечно, встретят с распростертыми объятиями... у виселицы. Можно бы перебраться на какие-нибудь острова в Сером океане, а то и махнуть на другой материк, но у нас нет денег, чтобы заплатить за морское путешествие. Да и корабли есть только у арвалийцев. Хотя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.